

Карл Густав Юнг

Отношения между эго и бессознательным

Первая часть. ВОЗДЕЙСТВИЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО НА СОЗНАНИЕ

I. Личное и коллективное бессознательное

Как известно, с точки зрения Фрейда содержание бессознательного сводится к инфантильным стремлениям, которые вытесняются из сознания вследствие их неприемлемого характера. Вытеснение — это процесс, начинающийся в раннем детстве под моральным давлением среды и продолжающийся в течение всей жизни. При помощи анализа вытеснения (repressions) устраняются, а вытесненные желания осознаются.

Согласно этой теории бессознательное содержит в себе лишь те стороны личности, которые вполне могли бы быть сознательными и были подавлены только благодаря процессу воспитания. И хотя с известной точки зрения эти инфантильные стремления так и бросаются в глаза, было бы ошибкой определять или оценивать бессознательное, исходя целиком из них. У бессознательного есть и другая сторона: оно включает в себя не только вытесненные содержания, но весь тот психический материал, что лежит ниже порога сознания. Невозможно объяснить подпороговую природу этого материала принципом вытеснения, ибо в таком случае устранение вытеснения должно наделять любого из нас фантастической памятью, не позволяющей ничей забыть.

Поэтому мы настаиваем на том, что в добавление к вытесненному материалу бессознательное содержит в себе все те психические компоненты, которые опустились ниже порога сознания: равно как и подпороговые чувственные восприятия. Кроме того, нам известно (как из собственного богатого опыта, так и из теоретических соображений), что бессознательное содержит также весь материал, который еще не достиг порога сознания. Это — зародыши будущих сознательных содержаний. Равным образом у нас есть основание предполагать, что бессознательное лишено состояния покоя, в смысле бездеятельности, и непрерывно занимается группировкой и перегруппировкой своего содержания. Эту активность следовало бы считать полностью автономной лишь в патологических случаях; в норме между активностью бессознательной и сознательной психики устанавливаются компенсаторные отношения.

Можно допустить, что все эти содержания — коль скоро они приобретаются в течение жизни индивидуума — носят личный характер. Поскольку эта жизнь ограничена, количество приобретенных за отпущенный срок содержаний бессознательного тоже должна быть ограниченным. А если так, то исходя из соображения, что бессознательное не способно создать ничего, кроме уже известного и усвоенного сознанием, вероятно, допустимо считать возможным опорожнение бессознательного либо посредством психоанализа, либо путем составления полного перечня его содержаний. Кроме того, нам пришлось бы допустить, что умей мы, устраняя вытеснение, приостанавливать погружение сознательных содержаний в бессознательное, мы могли бы полностью парализовать производство бессознательной продукции. Но это, как мы знаем по опыту, возможно лишь в очень ограниченной степени. Нам приходится постоянно твердить нашим пациентам: прочно удерживайте некогда вытесненные, а теперь заново ассоциированные в сознание содержания, и ассимилируйте их в свой план жизни. Однако эта процедура, как мы ежедневно убеждаемся, не производит должного впечатления на бессознательное, ибо оно спокойно продолжает вырабатывать сновидения и фантазии, которые, согласно оригинальной теории Фрейда, должны быть результатом личных вытеснений. Если в таких случаях мы продолжим систематически и беспристрастно наблюдать за происходящим, то обнаружим материал, хотя и похожий по форме на предыдущие личные содержания, однако несущий на себе признаки чего-то такого,

что явно выходит из сферы личного.

Отыскивая в памяти пример, чтобы проиллюстрировать только что сказанное, я особенно живо вспоминаю пациентку, страдавшую слабым истерическим неврозом, каковой, как мы выражались в те времена [около 1910 года], своей главной причиной имел “отцовский комплекс”. Этим выражением мы хотели подчеркнуть то обстоятельство, что именно особые отношения пациентки с отцом стали помехой на ее пути. Она была в прекрасных отношениях со своим (теперь уже умершим) отцом. Главным образом, эти отношения носили эмоциональный характер. В таких случаях обычно развивается именно интеллектуальная функция, которая впоследствии оказывается тем мостом, что связывает человека с миром. Видимо поэтому наша пациентка стала изучать философию. Ее энергичная погоня за знаниями была мотивирована потребностью освободиться от эмоциональных пут своего отца. Эта операция может оказаться успешной, если ее чувствам удастся найти выход на новом интеллектуальном уровне, возможно в образовании эмоциональной связи с подходящим мужчиной, равноценной прежней связи с отцом. В данном конкретном случае, однако, такой переход был отвергнут, потому что чувства пациентки повисли в воздухе, колеблясь между отцом и не вполне подходящим ей мужчиной. Движение ее жизни вперед оказалось, таким образом, задержанным, и тот внутренний разлад, что так характерен для невроза, быстро дал о себе знать. Так называемый нормальный человек, вероятно, мог бы прервать эмоциональную связь в том или другом направлении мощным усилием воли, либо — и это, возможно, более обычная вещь — выйти из затруднительного положения бессознательно, по гладкой дорожке инстинкта, даже не сознавая, какого рода конфликт скрывается за его головными болями или иными физическими недомоганиями. Однако любого ослабления инстинкта (которое может иметь множество причин) достаточно для того, чтобы воспрепятствовать гладкому бессознательному переходу. Тогда все движение вперед задерживается конфликтом, а возникающая в результате неподвижность (*stasis*) ((От др. — греч *stasiV* — неподвижное). По Пармениду, структурная характеристика бытия, где совершенно отсутствует всякое изменение. — Прим... пер.) жизни равнозначна неврозу. Вследствие такого застоя психическая энергия растекается во всех мыслимых направлениях, по-видимому, без всякой пользы. Например, появляется чрезмерное возбуждение симпатической нервной системы, которое ведет к нервным расстройствам желудка и кишечника; или излишне возбуждаются блуждающий нерв (и, как следствие этого, сердце); или фантазиям и воспоминаниям, которые сами по себе не представляют особого интереса, придается слишком большое значение и они начинают терзать сознательный ум (из мухи делают слона). В этом состоянии требуется новый мотив, чтобы положить конец болезненной “подвешенности”. Природа сама подготавливает почву для этого, бессознательно и косвенно, через посредство феномена перенесения (Фрейд). В ходе психоаналитического лечения пациентка переносит “образ отца” на врача, тем самым делая последнего в некотором смысле отцом, а в том смысле, в каком врач не есть отец, делая его еще и заменой мужчины, оказавшегося для нее недостижимым. Таким образом, врач становится и отцом, и своего рода возлюбленным — другими словами, объектом конфликта. В нем объединяются противоположности, и по этой причине он символизирует казалось бы идеальное разрешение конфликта. Без малейшего на то желания врач оказывается объектом завышенной оценки, почти невероятной для постороннего, ибо пациенту он кажется подобием Спасителя или Господа Бога. Сказанное вовсе не так забавно, как звучит. В действительности не так уж и хорошо быть одновременно отцом и возлюбленным. Никто не смог бы выдержать такое в течение долгого времени именно потому, что это уж слишком хорошо. Нужно быть по меньшей мере полубогом, чтобы выдерживать такую роль без перерыва, ибо все время пришлось бы быть тем, кто охотно отдает, дарит, жертвует. Пациентке в состоянии перенесения это временное решение естественно кажется идеальным, но... только вначале; в конце же она попадает в тупик, который так же плох, как был плох невротический конфликт. В сущности, еще ничего не произошло из того, что могло бы привести к действительному решению. Конфликт был

просто-напросто перенесен. Тем не менее, успешное перенесение может — по крайней мере временно — привести к полному исчезновению невроза, и потому оно было совершенно справедливо признано Фрейдом целебным фактором первостепенной важности, но, вместе с тем, лишь временным состоянием, которое хотя и продлевает возможность исцеления, само таковым не является.

Это несколько длинноватое обсуждение казалось мне необходимым для того, чтобы мой пример был правильно и до конца понят, ибо моя пациентка достигла состояния перенесения и уже дошла до верхнего предела, где застой начинает становиться неприятным. И вот возник вопрос: что дальше? Я, конечно, превратился в совершенного спасителя, и мысль о том, что со мной придется расстаться, была для пациентки не просто крайне неприятна, но поистине вселяла ужас. В подобной ситуации “крепкий здравый смысл” обычно вытаскивает на свет божий весь репертуар увещевания: “вы просто обязаны”, “вам, право, не следует”, “вы просто не можете” и т. д. Поскольку крепкий здравый смысл, к счастью, явление не слишком редкое и не совсем бесполезное (пессимисты, я знаю, существуют), какой-нибудь рациональный мотив, появившийся в фазе бурного подъема жизненной энергии, получаемой от перенесения, может вызвать столько энтузиазма, что громадным усилием воли человек способен решиться на болезненную жертву. И если это случается (а такое иногда случается), жертва приносит блаженный плод, и прежний пациент одним прыжком переходит в состояние практически здорового человека. Врач, обычно, настолько рад случившемуся, что ему просто не до теоретических трудностей, связанных с этим маленьким чудом.

Если же такой прыжок совершить не удастся — не удалось его сделать и моей пациентке, — тогда мы вплотную сталкиваемся с проблемой “рассасывания” перенесения. Здесь “психоаналитическая теория” окутывает себя непроницаемым мраком. По-видимому, мы должны вернуться к слепой вере в судьбу: так или иначе все уладится само собой. Как однажды заявил мне один циничный коллега: “Перенесение автоматически прекращается, когда у пациента кончаются деньги”. Или неизбежные требования жизни делают для пациента невозможным задерживаться в состоянии перенесения — требования, которые принуждают к ненамеренной жертве, иногда с более или менее полным рецидивом в результате. (Тщетно искать сообщения о таких случаях в книгах, восхваляющих психоанализ!)

Конечно, бывают безнадежные случаи, где ничто не помогает но есть и такие случаи, когда пациенты не застревают в состоянии перенесения и выходят из него без горечи в сердце и головных болей. Я сказал себе, что при сложившихся у моей пациентки обстоятельствах, должен существовать ясный и приемлемый выход из такого “безвыходного положения”. У нее уже давно кончились деньги (если они у нее вообще когда-нибудь были), однако мне было любопытно узнать, какие средства сама природа могла бы изобрести для удовлетворительного выхода из мертвой точки перенесения. Поскольку я никогда не мнил о себе, будто наделен тем “крепким здравым смыслом”, которому всегда точно известно, что надо делать в любом затруднительном положении, и поскольку моя пациентка знала об этом не больше меня, я предложил ей следующее: вместе попробовать, по крайней мере, присмотреться к каждому движению души, приходящему из той ее сферы, которая не осквернена нашей высокомерной мудростью и сознательными планами. Под этими движениями души подразумевались прежде всего ее сновидения. Сновидения содержат образы и мысли-ассоциации, которые создаются без нашего сознательного намерения. Они возникают спонтанно, без нашего содействия, и являют собой образцы психической активности, вышедшей из-под нашей деспотической воли. Поэтому сновидение есть, собственно говоря, в высшей степени объективный, естественный продукт души, от которого мы, вероятно, могли бы ожидать указаний или, по меньшей мере, намеков на некоторые основные тенденции душевного процесса. Но поскольку процесс психической жизни, подобно любому другому процессу жизни, представляет собой не просто причинную цепь событий, но и процесс с телеологической ориентацией, мы, по-видимому, вправе ожидать от

сновидений определенных *indicia* (Показаний (лат.). — Прим. пер.) как о целевой причинности (*objective causality*), так и о целевых тенденциях (*objective tendencies*), — именно потому, что сновидения можно без преувеличения назвать самоотображениями (*self-representations*) процесса психической жизни.

Итак, исходя из этих размышлений, мы подвергли сновидения пациентки тщательному исследованию. Дословное цитирование всех сновидений, имевших место в тот период, увело бы нас слишком далеко. Достаточно будет обрисовать их главную отличительную особенность: большинство из них имело отношение к персоне врача, то есть в персонажах сновидений легко узнавались пациентка и ее врач. Последний, однако, редко появлялся в своем естественном облике, но обычно искажался весьма примечательным образом. То его фигура принимала сверхъестественные размеры, то он выглядел крайне старым; иногда он походил на ее отца, но, в то же время, странным образом сливался с природой, как в следующем сновидении:

Ее отец (который в действительности был маленького роста) стоял с ней на холме, покрытом пшеничными полями. Она была совсем крошечной по сравнению с ним, а он казался ей великаном. Он поднял ее с земли и держал на руках, как малого ребенка. Ветер проносился по пшеничным полям, и, в такт пшенице, раскачиваемой на ветру, он качал ее на руках.

В этом и других, подобных ему сновидениях, я смог разглядеть разные вещи. Прежде всего у меня создалось впечатление, что бессознательное пациентки твердо придерживалось представления обо мне, как об отце-возлюбленном, так что фатальная связь, которую мы старались уничтожить, казалось, усиливается вдвойне. Кроме того, едва ли можно избежать впечатления, что бессознательное особо подчеркивало сверхъестественную, почти “божественную” природу отца-возлюбленного, тем самым еще больше акцентируя завышенную оценку врача, вызванную перенесением. Поэтому я задался вопросом: неужели пациентка все еще не поняла целиком фантастического характера своего перенесения или, возможно, бессознательное вообще недоступно пониманию и нужно слепо и по-идиотски неотступно следовать за некой бессмысленной химерой?

Мысль Фрейда о том, что бессознательное “не способно ни к чему, кроме желания”, шопенгауэрова слепая и бесцельная Воля, гностический демиург, в своем тщеславии мнящий себя совершенным, а в слепоте своей ограниченности творящий совершенно ничтожное — все эти пессимистические подозрения о негативной по существу подоплеке (*background*) мира и души подступили угрожающе близко. И действительно, этому, казалось, нечего было противопоставить, кроме имеющего добрые намерения “вам следовало бы”, подкрепленного ударом топора, отсекающего всякую фантазмагорию раз и навсегда.

Но, когда я снова и снова возвращался в своих мыслях к этим сновидениям, мне пришла в голову другая возможность. Я сказал себе: нельзя отрицать того, что сновидения продолжают говорить теми же самыми избитыми метафорами, которыми и моя пациентка, и я пресытились до отвращения в ходе наших бесед. Но пациентка обладает бесспорным пониманием своей фантазии перенесения. Она знает, что я кажусь ей полубожественным отцом-возлюбленным, и она способна, по крайней мере интеллектуально, отличить эту кажимость от моей действительной сущности. Следовательно, сновидения явно воспроизводят сознательный взгляд на проблему за вычетом сознательной критики, которую они полностью игнорируют. Они повторяют сознательные содержания, но не *in toto* (Целиком, полностью (лат.). — Прим. пер.), упорно отстаивая лишь фантастическую точку зрения в противоположность “крепкому здравому смыслу”.

Разумеется, я спросил себя: чем вызвано это упорство и какова его цель? То, что оно служит какой-то определенной цели, я был убежден, ибо поистине нет такой живой твари, которая не обладала бы финальным значением, которое можно в других словах объяснить как простой остаток от предыдущих событий. Но энергия перенесения настолько сильна, что производит впечатление витального инстинкта. Коль это так, то какова же цель таких фантазий? Тщательное изучение и анализ сновидений пациентки, и особенно только что

приведенного сновидения, вскрыли явно заметную тенденцию, а именно: вопреки сознательной критике, всегда стремящейся привести вещи к человеческим пропорциям, наделять персону врача сверхчеловеческими атрибутами. Ему выпало быть громадным, изначальным, превосходящим отца, подобным ветру, проносящемуся над землей — так не должен ли он был тогда превратиться в Бога? Или, сказал я себе, это скорее тот случай, когда бессознательное пыталось сотворить Бога из персоны врача, как бы освободить вид Бога от покровов персонального, так что перенесение на персону врача было всего лишь заблуждением сознательного ума, глупой выходкой “крепкого здравого смысла”? Может быть, упорство бессознательного только внешне направлено на конкретного человека, а в более глубоком смысле — на Бога? А может быть, стремление к Богу есть та страсть, что бьет ключом из нашей темнейшей инстинктивной натуры, не подчиняясь никаким внешним влияниям, более глубокая и сильная, чем любовь к человеку? Или, возможно, в стремлении к Богу и состоял самый высший и подлинный смысл той неуместной любви, которую мы называем “перенесением”, маленькой частичке настоящей *Gottesminne* (“Любви божьей” (нем.). — Прим. пер.), навсегда потерянной для сознания с XV столетия?

Никто не станет подвергать сомнению реальность страстного стремления к какому-то конкретному человеку; однако то, что фрагмент религиозной психологии, исторический анахронизм, фактически средневековый курьез, напоминающий нам Мехтильду Магдебургскую, должен материализоваться в консультационной комнате как непосредственная живая действительность и выразиться в прозаической фигуре врача, выглядит слишком фантастично, чтобы быть принятым всерьез.

Подлинно научная позиция должна быть беспристрастной. Единственным критерием валидности гипотезы, выступает ее эвристическая, то есть объяснительная ценность. Итак, вопрос; в том, можем ли мы рассматривать изложенные выше возможности в качестве валидной гипотезы? А priori нет основания отвергать как предположение о том, что бессознательные стремления имеют цель за пределами конкретного человека, так и то утверждение, что бессознательное “не способно ни к чему, кроме желания”. Один лишь опыт способен дать ответ, какая из гипотез окажется наиболее подходящей.

Моей весьма критичной пациентке эта новая гипотеза не внушала полного доверия. Прежний взгляд, согласно которому я был отцом-возлюбленным и, как таковой, представлял собой идеальное разрешение конфликта, обладал несравнимо большей привлекательностью для ее образа чувств. Тем не менее, она была наделена достаточно проницательным умом, чтобы принять во внимание теоретическую возможность новой гипотезы. Между тем сновидения пациентки продолжали дезинтегрировать персону врача и раздувать ее до все более огромных размеров. Одновременно с этим происходило нечто такое, что поначалу только я один понял и встретил с крайним удивлением, именно, своего рода подпольное разрушение перенесения. Ее отношения с неким другом заметно углубились, хотя сознательно она все еще оставалась верной перенесению. Так что когда подошло время расстаться со мной, вместо катастрофы состоялось вполне благоразумное прощание. Я имел привилегию быть единственным очевидцем всего процесса отделения. Я видел, как трансперсональный пункт управления (*transpersonal control-point*) взял на себя — я не могу назвать это как-то иначе — руководящую функцию и шаг за шагом стягивал к себе все прежние завышенные персональные оценки; как, вместе с этим притоком энергии, он приобретал влияние на сопротивляющийся сознательный ум, не давая пациентке возможности сознательно заметить происходящее. Отсюда мне стало ясно, что эти сновидения были не просто фантазиями, а самоотображениями (*self-representations*) бессознательных событий, предоставлявшими душе (*psyche*) пациентки возможность постепенно выйти из бессмысленной личной связи.

Как я показал, это изменение имело место в результате бессознательного развертывания трансперсонального пункта управления и установления, так сказать, истинной цели, символически выразившей себя в форме, которую невозможно описать иначе как образ Бога. Сновидения раздули человеческий облик врача до сверхчеловеческих

размеров, превращая его в огромного и могучего праотца (который к тому же оказывается еще и ветром), в чьих защищающих руках сновидица покоится подобно младенцу. Если мы попытаемся переложить ответственность за появляющийся в сновидениях божественный образ на сознательное и традиционно-христианское представление о Боге, имевшееся у пациентки, нам все же придется подчеркнуть его искажение. В отношении религиозных вопросов пациентка занимала критическую и агностическую позицию, а ее представление о возможном божестве уже давно перешло в область невообразимого то есть выродилось в полную абстракцию. В противоположность этому, образ Бога в сновидениях соответствовал архаическому пониманию Бога как демона природы, отчасти похожего на Вотана. QeoV to рnenma “Бог есть дух” — здесь переводится в свою первичную форму, где рnenma значит “ветер”: Бог есть ветер, более сильное и могущественное, чем человек, незримое дыхание-дух. Так же, как в древнееврейском слово ruah, так и в арабском слово ruh означают дыхание и дух (Что касается более полной разработки этой темы, см.: Symbols of Transformation {Collected Works, Vol. 5). index, s. v. “wind”). Сновидения из чисто человеческой фигуры развивают архаичный образ Бога, бесконечно далекий от сознательного представления о Боге. Можно было бы возразить, что это просто инфантильный образ, реминисценция из детства. Я не стал бы оспаривать такое предположение, имей мы дело с образом старца, сидящего на золотом троне в небесах. Однако, в данном случае нет и следа подобной сентиментальности; вместо этого мы имеем первообраз, который может соответствовать только архаической ментальности.

Эти первобытные воззрения, немало примеров которых я привел в своей книге Symbols of Transformation, принуждают нас — в том, что касается бессознательного материала — проводить его разграничение в совершенно иной плоскости, отличной от той, что отделяет “предсознательное” или “подсознательное” от “бессознательного”. Здесь нет необходимости обсуждать обоснованность таких разграничений. Они обладают своей определенной ценностью и заслуживают дальнейшей разработки в качестве возможных гипотез. То основное разграничение, о котором опыт заставил меня заявить, претендует лишь на статус одной из таких гипотез. Из предшествующего обсуждения должно быть ясно, что нам необходимо различать в бессознательном слой, который можно назвать личным (персональным) бессознательным. Содержащиеся в этом слое материалы имеют личный характер, поскольку обладают, отчасти, качеством индивидуальных приобретений в процессе жизни конкретного человека и, отчасти, качеством психологических факторов, которые с таким же успехом могли бы быть осознанными. Нетрудно понять, что несовместимые психологические элементы могут вытесняться из сознания и, таким образом, становиться бессознательными. Но, с другой стороны, это утверждение предполагает возможность осознания и сохранения в сознании вытесненных содержаний после того, как они были признаны. Мы признаем эти материалы в качестве личных содержаний, потому что их следы и частичные проявления или их источник можно отыскать в нашем личном прошлом. Они являются неотъемлемыми компонентами личности, входят, если можно так сказать, в ее опись, и их пропажа для сознания приводит к неполноценности в том или ином отношении — причем, к неполноценности, имеющей, в психологическом смысле, характер не столько органического повреждения или врожденного дефекта, сколько нужды в чем-то, которая дает начало чувству морального возмущения. Ощущение моральной неполноценности всегда указывает на то, что упущенный элемент является чем-то таким, что, судя по этому чувству о нем, в действительности упускать не следовало, или чем-то таким, что могло бы стать сознательным, если бы мы достаточно потрудились. Чувство моральной неполноценности возникает не из столкновения с общепринятым и, в известном смысле, произвольным нравственным законом, а из конфликта с самим собой, который, по соображениям душевного равновесия, требует восполнения дефицита. Всякий раз, когда появляется ощущение моральной неполноценности, оно указывает не только на потребность ассимилировать бессознательный компонент, но и на возможность такой ассимиляции. Именно моральные качества человека, как последнее средство, заставляют его либо путем

прямого признания нужды, либо косвенно, через мучительный невроз, ассимилировать бессознательную часть себя и поддерживать полную осведомленность. Любой идущий вперед по пути осознания себя (self-realization) должен по необходимости вводить содержания личного бессознательного в сознание, тем самым расширяя сферу своей личности. Я хочу сразу же добавить, что это расширение затрагивает, главным образом, наше моральное сознание, наши знания о себе, ибо те содержания бессознательного, которые освобождаются и вносятся в сознание посредством психоанализа, как правило, неприятны — в чем, собственно, и состоит причина того, что эти желания, воспоминания, стремления, планы и т. д. были некогда вытеснены из сознания. Все они относятся к содержаниям, которые выявляются почти так же в ходе полной исповеди, хотя и в более ограниченном объеме. Оставшееся раскрывается, как правило, при анализе сновидений. Часто весьма интересно наблюдать, как сновидения, постепенно и с величайшей разборчивостью, добавляют к общей картине существенные штрихи. Совокупный материал, таким образом добавляющийся в сознание, приводит к значительному расширению умственного горизонта и углубленному самопознанию, которое, по общему мнению, как ничто другое должно (бы) способствовать гуманизации человека и воспитанию умеренности. Однако, оказывается, что познание — выделяющееся, по предположению всех мудрецов, среди прочих мер самым эффективным воздействием и наилучшими результатами — по-разному действует на различные характеры. В этом отношении мы открываем много удивительных вещей в ходе практического анализа, но о них у меня пойдет речь в следующей главе.

Как показывает мой пример с архаичным представлением о Боге, помимо личных приобретений и принадлежностей бессознательное содержит, по-видимому, и другие вещи. Моя пациентка совершенно не сознавала ни деривации “духа” от “ветра”, ни параллелизма между тем и другим. Это содержание не было продуктом ее мышления, как впрочем и результатом заучивания. Критическое место в Новом завете (to pneuma pnei orou Qelei) (“Дух дышит, где хочет” (греч.) [Иоан. 3:8], что, вследствие семантической неопределенности фразы, можно перевести и как “Ветер дует, где хочет”. — Прим. пер.) было ей недоступно из-за незнания греческого. Если нам так уж нужно считать это содержание целиком личным приобретением, оно могло бы быть таковым лишь в одном случае — при так называемой криптомнезии (Cp. Theodore Flournoy, Des Indes a la planete Mars: Etude sur le cas de somnambulisme avec Glossolalie (Paris and Geneva, 1900), translated by I. B. Vennilye as From India to the Planet Mars (New York, 1900). и J. M. J. “Psychology and Pathology of So-called Occult Phenomena” (Collected Works, Vol. 1), pars. 138ff.), то есть бессознательном припоминании мысли, ранее где-то прочитанной пациенткой. Я ничего не имею против такой возможности в этом конкретном случае; но мне известно множество других случаев (большое их количество приведено в упомянутой выше книге), где криптомнезию можно с уверенностью исключить. Даже если бы наш случай был случаем криптомнезии, что кажется мне весьма неправдоподобным, нам пришлось бы все равно искать объяснение предрасположенности, послужившей причиной того, что именно этот образ сохраняется в памяти пациентки, а позднее, по выражению Semon, “экфорируется” (ekjorein, лат. efferre, англ. “to produce”). Во всяком случае, с криптомнезией или без нее, мы встречаемся здесь с истинно первобытным и весьма примитивным образом Бога, который создавался в бессознательном цивилизованного человека и оказывал воздействие на современную жизнь — факт, который вполне бы мог дать пищу для размышления специалисту по психологии религии. В данном образе нет ничего, что можно было бы назвать личным: это целиком коллективный образ, языческое происхождение которого нам давно известно. Перед нами широко распространенный исторический образ, который вновь обрел существование через посредство естественной психической функции. И это не столь уж удивительно, поскольку моя пациентка родилась на свет с человеческим мозгом, по-видимому, и сегодня функционирующим почти так же, как он функционировал в давние времена. Мы имеем здесь дело с реактивированным архетипом, как я в другом месте называл эти изначальные образы (Cp. Psychological Types (Collected Works, Vol. 6), Def. 26. [Русск. пер.: Юнг К. Г. Психологические типы. — СПб.: М., 1995,

Определения 5. 18 и 39. — Прим. пер.}). Эти древние образы возвращаются к жизни благодаря примитивному, основанному на аналогиях способу мышления, специфичному для сновидений. Речь идет не о врожденных идеях, а об унаследованных структурах мышления (thought-patterns) (Следовательно, направленное против моих идеи обвинение в “прихотливом мистицизме” утрачивает свое основание.).

Принимая во внимание эти факты, мы должны допустить, что бессознательное содержит в себе не только личные, но, кроме того, и безличные коллективные компоненты в форме врожденных категорий, или архетипов (Henry Hubert et Marcel Mauss, *Melanges d'histoire des religions* (Paris. 1909), p. XXIX.). Поэтому я выдвинул гипотезу, что на своих более глубоких уровнях бессознательное владеет коллективными содержаниями в относительно активном состоянии. Вот почему я говорю о коллективном бессознательном.

II. Результаты ассимиляции бессознательного: основные феномены

Процесс ассимилирования бессознательного приводит к примечательным явлениям. У одних пациентов он вызывает бросающийся в глаза и часто неприятный рост самоуверенности самомнения: они всецело поглощены собой, все знают, мнят себя полностью осведомленными в том, что касается их бессознательного, и убеждены, будто понимают абсолютно все, что выходит из его глубин. В каждой беседе с врачом они все больше и больше вырастают в своих глазах. Другие, напротив, чувствуют себя все более и более подавленными содержаниями бессознательного, теряют уверенность в себе и с тупым безразличием взирают на те необычные штуки, которые выкидывает бессознательное. Первые, переполняемые чувством собственной значительности, берут на себя ответственность за бессознательное, превышающую все разумные границы; вторые окончательно отказываются от какой бы то ни было ответственности, измученные ощущением бессилия эго перед судьбой, управляющей через посредство бессознательного.

Если мы глубже проанализируем эти два способа реагирования, то обнаружим, что за оптимистической самоуверенностью первых кроется глубокое чувство бессилия, в отношении которого их сознательный оптимизм действует как безуспешная компенсация. И, напротив, пессимистическое смирение вторых маскирует дерзкую волю к власти, далеко превосходящую в самоуверенности сознательный оптимизм первых.

Этими двумя способами реагирования я обрисовал только две грубые крайности. Более тонкие оттенки, вероятно, обладали бы большей жизненной правдой. Как я уже говорил в другом месте, всякий, кто подвергается анализу, начинает бессознательно злоупотреблять недавно полученными знаниями в интересах своей аномальной, невротической установки, пока он, на ранних стадиях анализа, еще не освободился от своих симптомов настолько, чтобы можно было обойтись без дальнейшего лечения. Весьма важным способствующим этому фактором оказывается то обстоятельство, что на ранних стадиях анализа все понимается еще на объективном уровне, то есть без различения образа (*imago*) (Этот термин (“*imago*”) был занят психоанализом, однако в аналитической психологии его в значительной степени заменили термины “изначальный образ родителя” или “родительский архетип”. — Ред. *The Collected Works*.) и объекта, так что все приписывается непосредственно объекту. Отсюда, тот, для кого “другие люди” являются объектами первостепенной важности, из любого знания о себе, которое ему доведется усвоить на этой стадии анализа, сделает вывод: “Ага, так вот что, оказывается, представляют собой другие люди!” Поэтому он будет считать своим долгом просветить на сей счет всех остальных, в зависимости от характера, сохраняя при этом терпимость или ведя войну без пощады со всем миром. Другой же, ощущающий себя в большей степени объектом своих ближних, нежели их субъектом, будет тяготиться этими знаниями о себе и, соответственно, впадет в уныние. (Я, естественно, веду речь не о тех многочисленных и более поверхностных натурах, которых эти проблемы почти не затрагивают.) В обоих случаях отношение к объекту усиливается: в первом случае — в активном, во втором случае — в реактивном смысле. Заметно выделяется коллективный

элемент. Один расширяет сферу своего действия, другой — сферу своего страдания.

Адлер воспользовался термином “богоподобие” для характеристики некоторых основных черт невротической психологии власти. И если я тоже заимствую это же выражение из “Фауста” Гете, то использую его здесь скорее в смысле той хорошо известной сцены, где Мефистофель пишет в альбом ученику: “Eritis sicut Deus, scientes bonum et malum” (“И будете, как Бог, знать добро и зло” (лат.)) [Ср. “...и вы будете. как боги, знающие добро и зло”. (Быт. 3:8)]. — Прим. пер.), а в сторону добавляет:

Следуй лишь этим словам да змее, моей тетке, покорно:
Божье подобье свое растеряешь ты, друг мой, бесспорно!

(Гете И.-О. Фауст. Часть I, сц. 4.)

[Все цитаты из “Фауста” даются. Если не оговорено особо, пер. Н. Холодковского.]

Богоподобие явно относится к знанию — знанию добра и зла. Анализ и сознательное понимание (conscious realization) бессознательных содержаний порождают в известной мере самодовольную терпимость, благодаря которой могут приниматься Даже неудобоваримые порции своей бессознательной характерологии. Эта терпимость может выглядеть весьма мудрой и незаурядной, но на деле часто оказывается не более чем широким жестом, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Две сферы, которые до этого боязливо оберегались от встречи друг с другом, оказались теперь сведенными вместе. После преодоления значительного сопротивления достигается единство противоположностей, по крайней мере, с виду. Более полное понимание, совмещение того, что прежде было разделено, и, отсюда, видимое преодоление морального конфликта дают начало чувству превосходства, которое вполне можно передать термином “богоподобие”. Но это же самое совмещение добра и зла может совершенно иначе подействовать на представителей различных темпераментов. Не каждый почувствует себя сверхчеловеком, держа в руках весы добра и зла. Кто-то может ощутить себя беспомощным существом, оказавшимся на перепутье, а скорее потерявшим управление кораблем, зажатым между Сциллой и Харибдой. Ибо, сам того не ведая, он попадает, возможно, в самый продолжительный и самый древний из человеческих конфликтов, испытывая муки, вызываемые коллизией вечных начал. Вполне возможно, что он почувствует себя Прометеем, прикованным к скале на Кавказе, или просто распятым на кресте. Вероятно, это и будет “богоподобием” в страдании. Разумеется, богоподобие — не научное понятие, хотя оно весьма удачно характеризует обсуждаемое здесь психологическое состояние. Я даже не уверен в том, что каждый читатель сразу схватит своеобразие душевного состояния, подразумеваемого этим словом. И к тому же оно принадлежит исключительно сфере беллетристики. Поэтому, с моей стороны было бы благоразумнее дать более точное и полное описание этого состояния. Итак, инсайт и понимание, приобретаемые пациентом в ходе анализа, обычно открывают ему много из того, что ранее было бессознательным. Как и следовало ожидать, он прилагает эти знания к своему окружению; в результате он видит, — или думает, что видит, — множество вещей, бывших до этого незримыми. Так как его знания оказались полезными для него, он с готовностью допускает, что они могли бы оказаться полезными и для других. Так он может стать самонадеянным, и хотя за этим, возможно, стоят добрые, намерения, тем не менее, подобная самонадеянность раздражает других людей. У него появляется такое чувство, как если бы он обладал ключом, подходящим ко многим, если не ко всем дверям. Впрочем, самому психоанализу свойственна та же льстящая самолюбию неосознанность своих ограничений, что ясно видно по его манере влезать в сферу искусства.

Поскольку человеческая натура состоит не только из светлых, но изобилует и теневыми сторонами, обретаемый в практическом анализе инсайт часто оказывается болезненным, особенно в тех случаях, когда (как это обычно и бывает) человек прежде не обращал внимания на свою изнаночную сторону. Значит, есть и такие, кто принимает только что

обретенный инсайт близко к сердцу, даже чересчур близко, совершенно забывая, что он не единственный обладатель теневой стороны. Они позволяют себе впасть в чрезмерное уныние, и уж тогда готовы сомневаться во всем, нигде не находя истины и справедливости. Вот почему многие отличные аналитики с весьма плодотворными идеями никак не могут убедить себя опубликовать их, потому что эта душевная проблема, как они ее видят, так подавляюще велика, что им кажется почти невозможным взяться за ее научное решение. И если оптимизм одного человека заставляет его вести себя самонадеянно, то пессимизм другого делает его сверхзабоченным и легко впадающим в уныние. Таковы формы, которые принимает этот великий конфликт, когда переводится на менее масштабный уровень. Но даже при этих уменьшенных размерах нетрудно разглядеть его существо: самонадеянность одного и малодушие другого объединяет неопределенность обоих в отношении своих границ. У первого они чрезмерно расширены, у второго — чрезмерно сужены. Их индивидуальные границы некоторым образом стерты. Если мы теперь примем во внимание, что великое смирение как результат психической компенсации стоит совсем рядом с гордыней и что “падению предшествует надменность” (“Pride goeth before a fall” (англ.). Вероятно, искаженная цитата из Библии: “Pride goeth before destruction, and an haughty spirit before a fall” (Proverbs, 16:18). [“Погибели предшествует гордость, и падению надменность” (Прит. 16:18).] При переводе, из чисто стилистических соображений, мы также позволили себе исказить оригинальный текст Юнга, заменив в этой цитате слово “гордость” на “надменность”. — Прим. пер.), то за высокомерием мы без труда сможем обнаружить определенные признаки беспокоящего чувства неполноценности. На деле мы увидим, как сомнения заставляют такого энтузиаста навязчиво расхваливать истины, которым он сам не слишком-то верит, и склонять на свою сторону новообращенных, чтобы его сторонники могли доказать ему ценность и надежность его, же собственных убеждений. Он вовсе не настолько счастлив в своей кладовой знаний, чтобы наслаждаться ими в одиночку; в сущности, из-за этих знаний он чувствует себя изолированным от мира, и тайное опасение остаться с ними наедине заставляет его к месту и не к месту щеголять своими мнениями и толкованиями, потому что только при убеждении кого-то еще он чувствует спасение от грызущих его сомнений.

Совершенно противоположное происходит с нашим унылым другом. Чем больше он замыкается и уходит в себя, тем сильнее становится его скрытая потребность быть понятым и признанным. Хотя он и говорит о своей неполноценности, по-настоящему он в нее не верит. Внутри у него растет непоколебимая уверенность в своих непризнанных другими достоинствах, из-за чего он становится чувствительным к малейшему неодобрению, вечно имея вид человека, которого неправильно понимают и которому не воздают должного. Таким способом он тешит свою болезненную гордость и питает оскорбительное недовольство, — что ему самому нужно меньше всего, но за что его окружению приходится дорого платить.

Оба эти типа слишком “малы” и в то же время слишком “велики”; (Здесь игра слов, в результате которой эта фраза имеет еще один смысл: “Оба этих типа чувствуют себя слишком принижено и вместе с тем обладают чрезмерным самомнением”. — Прим. пер.) их характерный “средний размер”, который никогда не был особенно устойчивым, теперь оказывается еще менее прочным, чем когда-либо. Попытка охарактеризовать такое состояние как “богоподобное” выглядит почти абсурдной. Но поскольку оба они по-своему выходят за пределы своих человеческих “размеров”, в каждом из них есть немного “сверхчеловеческого” и потому, говоря фигурально, богоподобного. Если кто-то хочет избежать употребления этой метафоры, я бы предложил говорить здесь о “психической инфляции”. Этот термин кажется мне подходящим, поскольку обсуждаемое нами состояние представляет собой распространение личности за индивидуальные границы, другими словами, является состоянием раздутости. В таком состоянии человек занимает место (to fill a space), которое обычно не способен занять. Он может занять его, только присваивая себе содержания и качества, которые прекрасно существуют сами по себе и поэтому должны

оставаться вне наших границ. То, что лежит вне нас, принадлежит либо кому-то другому, либо всем, либо не принадлежит никому. Так как психическая инфляция отнюдь не является феноменом, вызываемым исключительно анализом, но столь же часто встречается в обычной жизни, мы можем исследовать ее не менее успешно и в других случаях. Широко распространенный случай — совсем не безобидная манера многих мужчин отождествлять себя со своим делом или своими титулами. Занимаемый мной пост — это, несомненно, моя специфическая деятельность, но вместе с тем и коллективный фактор, исторически возникший благодаря сотрудничеству многих людей, и соответствующий ему титул держится исключительно на коллективном одобрении. Поэтому, когда я идентифицируюсь со своим занятием или титулом, я деду себя так, как если бы был целым комплексом социальных факторов, из которых и состоит моя служба, или как если бы я был не только носителем своего поста, но одновременно и общественным одобрением. Но это значит, что я необычайно расширил себя и узурпировал не свои, внешние по отношению ко мне качества. *L'etat c'est moi* (Государство — это я (фр-). Прим. пер.) — вот подходящий девиз для таких людей.

В случае инфляции, вызванной знанием, мы имеем дело с чем-то похожим в принципе, хотя психологически и более тонким. Здесь инфляция обусловлена не достоинством службы, а весьма значимыми фантазиями. Что под этим понимается, я поясню на примере из врачебной практики, взяв случай душевнобольного, с которым мне выпало познакомиться лично и который также упомянут в публикации Maeder (A. Maeder, “Psychologische Untersuchungen an Deinentia-Praecox-Kranken”, *Yalirbiich fiir psychoanalytische und psychopathologische Forschungen*. 11 (1910), 209 и далее.). Ибо этот случай как раз характерен высокой степенью инфляции. (У душевнобольных мы можем наблюдать в более грубой и увеличенной форме все те феномены, которые лишь мимолетно обнаруживают себя у нормальных людей.) (Когда я еще работал врачом психиатрической больницы в Цюрихе, то однажды провел одного интеллигентного неспециалиста по отделениям. Прежде он никогда не видел психиатрической лечебницы изнутри. Когда мы закончили наш обход, он воскликнул: “Послушайте-ка! Да ведь это Цюрих в миниатюре! Квинтэссенция общества. Как будто все типы людей, которых ежедневно встречаешь на улицах, были собраны здесь в их классической чистоте. Исключительно чудачки и отборные экземпляры из всех слоев общества — от верхушки до низов!” Я никогда раньше не смотрел на это под таким углом зрения, но мой друг был не так уж неправ.) Больной страдал параноидной деменцией с мегаломанией. Он говорил по телефону с Богородицей и другими великими мира сего и того. В реальной же жизни этот человек был никудышным подмастерьем слесаря, в 19 лет заболевшим неизлечимой душевной болезнью. Он не был одарен умом, но, между прочим, напал на изумительную идею, будто мир — это его детская книжка с картинками, которую он может листать по своему желанию. Доказательство этого было совсем простым: ему нужно было только повернуться, чтобы взору открылась новая страница.

Это и есть шопенгауэровский “мир как воля и представление” в неприкрашенной, примитивной конкретности видения. Идея на самом деле разрушительная, порожденная крайним отчуждением и уединением от мира, но выраженная столь наивно и незатейливо, что поначалу можно лишь посмеяться над ее нелепостью. И все же этот примитивный образ видения составляет самую суть выдающегося шопенгауэрова видения мира. Только гений или безумец мог бы настолько выпутаться из оков действительности, чтобы смотреть на мир как на свою книжку с картинками. Сам ли больной развил или построил такое видение мира или оно просто постигло его? А может быть, он впал с него? Его патологический распад и инфляция указывают скорее на последнее. Теперь уже думает и говорит не он, а оно думает и говорит в нем, ибо он слышит голоса. Таким образом, разница между ним и Шопенгауэром состоит в том, что видение больного остается на стадии чисто спонтанного развития (*growth*), тогда как Шопенгауэр абстрагировал и выразил то же самое видение на общепринятом языке. Тем самым вырастил его из подземных истоков и вывел на ясный свет общественного сознания. Однако, было бы ошибкой предполагать, что видение больного

имело исключительно личный характер или ценность, словно оно принадлежало только ему. Будь это так, он, вероятно, был бы философом. Человек становится гениальным философом лишь тогда, когда ему удается превратить примитивное и чисто природное видение в абстрактную идею, принадлежащую к общему инвентарю сознания. Это достижение, и только оно, составляет его личную величину или ценность, благодаря которой он мог бы заслужить уважение, не впадая при этом в инфляцию. Но видение больного человека есть величина безличная, от естественного роста которой он не в силах себя защитить и которая, фактически, поглотила и “унесла” его прочь от этого мира. Правильнее будет сказать, что именно бесспорное величие видения больного раздувает его до патологических размеров, а вовсе не то, что он овладевает этой идеей и развивает ее до философского мировоззрения. Личная величина (ценность) целиком заключается в философском достижении, а не в первичном видении. Ведь философу это видение тоже достается как равная доля прибыли, ибо оно составляет просто часть общего имущества человечества, долей которого, в принципе, владеет каждый. Золотые яблоки падают с одного и того же дерева, подбирает ли их слабоумный ученик слесаря или какой-то Шопенгауэр.

Однако, из данного примера можно извлечь еще и другой урок, именно, что трансперсональные содержания — это отнюдь не инертные или мертвые материалы, которыми можно завладеть по желанию. Скорее, они являются реалиями (entities), вызывающими живой интерес и оказывающими притягательное действие на сознательный ум. Идентификация с службой или титулом действительно очень привлекательна, — вот почему так много людей представляют собой один только декорум, предоставленный им обществом. Было бы напрасно искать под этой оболочкой личность. В самом низу, под набивкой, можно отыскать лишь очень мелкое, ограниченное создание. Вот почему служба — или что-то еще, что может быть такой оболочкой, — так привлекательна: она предлагает легкую компенсацию личной маломерности.

Внешняя приманка, как-то: посты, титулы и другие социальные регалии, — не единственная причина инфляции. Ведь они просто безличные величины, относящиеся к наружному слою общества, к коллективному сознанию. Но так же как общество находится вне индивидуума, так вне личной психики находится коллективная психика, именно, коллективное бессознательное, скрывающее в себе, как показывает приведенный выше пример, ничуть не менее привлекательные элементы. И так же как один может внезапно войти в мир на своем профессиональном достоинстве (“Messieurs, a present je suis Roy”) (“Господа, сегодня я король” (фр.-) Прим. пер.), так другой может столь же внезапно исчезнуть из этого мира, если ему выпадет жребий созерцать один из тех могущественных образов, которые придают миру иной облик. Речь идет о магических *representations collectives* (Коллективных представлениях (фр.}). — Прим. пер.), лежащих в основе рекламных лозунгов, модных словечек и, на более высоком уровне, поэтического и мистического языка. Мне вспоминается другой душевнобольной, который не был поэтом и вообще ничем особенным не выделялся, разве что являл собой типичный образец тихого и несколько сентиментального юноши. Он влюбился и, как это часто бывает, не мог выяснить у своей избранницы, нужна ли была ей его любовь... Что касается юноши, то его первобытная *participation mystique* (Мистическая сопричастность (фр.). — Прим. пер.) приняла на веру, будто его переживания и тревоги были и равной мере переживаниями и тревогами девушки, что на более низких уровнях человеческой психологии — дело весьма обычное. Так он создал сентиментальную любовную фантазию, которая лопнула как мыльный пузырь, когда выяснилось, что та девушка не испытывает к нему никаких чувств. Это привело его и такое отчаяние, что он прямоком направился к реке, намереваясь утопиться. Стояла ночь, и звезды светили ему из темной воды отраженным светом. Ему показалось, будто звезды парами уплывали вниз по реке... Удивительное чувство овладело им тогда; он забыл о намерении покончить с собой и уже не мог оторван, глаз от воды, зачарованный странным, сладостным зрелищем. Постепенно до него дошло, что каждая звезда была лицом и что все эти пары были влюбленными, которые уносились вперед в

объятиях грез. И тут к нему пришло совершенно новое понимание: все изменилось — его судьба, разочарование и даже любовь потеряли свое значение и отошли на задний план. Воспоминание о девушке отдалилось, стерлось, но взамен он обрел непоколебимую уверенность в том, что ему обещаны несметные сокровища. Он уже знал, что в находившейся неподалеку обсерватории для него спрятан бесценный клад. Кончилось тем, что в четыре часа утра он был задержан полицией при попытке вломиться в эту обсерваторию.

Что же произошло? В голове бедного юноши промелькнуло дантевское видение, очарование которого вряд ли оказалось бы ему доступным, прочитай он о нем в поэме. Но он увидел этот образ, и зримый образ преобразил его. То, что больше всего мучило, теперь стало далеким; новый и невообразимый даже в мечтах мир звезд, безмолвно прочерчивающих свои пути вдаль от этой печальной земли, открылся перед ним в то мгновение, когда он пересек “порог Прозерпины”. Догадка об ожидавшем его сказочном богатстве — а кого не навещала эта мысль? — явилась ему как откровение. Для него, бедной посредственности, это оказалось не по силам. Он утонул не в реке, а в вечном образе, красота которого погибла вместе с ним.

Так же как один может исчезнуть в своей социальной роли, так другой может быть поглощен внутренним видением и, тем самым, потерян для своего окружения. Многие непостижимые изменения личности, подобные внезапным конверсиям и другим влекущим за собой тяжелые последствия душевным сдвигам, происходят от притягательной силы коллективного образа (Leon Daudet в своей книге “L'Heredité” (Paris, 1916) называет этот процесс “autofecorulation interieure” (“самооплодотворением внутреннего мира”), подразумевая под этим возобновляющееся пробуждение родовой души.), который, как показывает данный пример, способен вызывать настолько сильную инфляцию, что личность распадается полностью. Эта дезинтеграция — психическое заболевание преходящего или постоянного характера, “расщепление души” или “шизофрения”, по терминологии Блейлера (Eugen Bleuler, *Dementia Praecox or the Group of Schizophrenias*, впервые опубликовано в 1911 г., пер. на англ. J. Zinkin (New York, 1950).). Патологическая инфляция, конечно, опирается на некоторую врожденную слабость личности против автономии содержаний коллективного бессознательного.

Пожалуй, мы окажемся ближе всего к истине, если представим себе сознательную и личную психику опирающейся на широкий фундамент врожденных и универсальных психических диспозиций, которые сами по себе бессознательны, а отношение личной психики к коллективной — как отношение индивидуума к обществу.

Но так же как индивидуум является не только неповторимым и отдельным созданием, но вместе с тем и социальным существом, так и человеческая психика, являясь автономным и полностью индивидуальным феноменом, представляет собой коллективное явление. И точно так же как определенные социальные функции или инстинкты противоположны интересам отдельных членов общества, так и человеческая психика проявляет определенные функции или тенденции, которые в силу своей коллективной природы противоположны индивидуальным потребностям. Причина этого кроется в том, что каждый человек рождается уже с высоко дифференцированным мозгом и поэтому обеспечивается широким диапазоном психической деятельности, которая не связана ни с онтогенетическим созреванием, ни с научением. Однако в той степени, в какой мозг различных людей одинаково дифференцирован, этой психической деятельности обеспечена возможность быть коллективной и универсальной. Это объясняет, например, любопытный факт, что бессознательные процессы самых далеких друг от друга народов и рас обнаруживают совершенно поразительное соответствие, которое проявляется, среди прочего, в экстраординарных, но достоверно установленных аналогиях между формами (и мотивами) автохтонных мифов. Универсальное подобие головного мозга человека ведет к универсальной возможности однообразного психического функционирования. Это функционирование и есть коллективная души (psyche). Поскольку существуют различия,

соответствующие расе, роду или даже семье, то в добавление к “всеобщей” коллективной душе, можно также говорить о таких ее разновидностях, как расовая, племенная и семейная душа. Если воспользоваться выражением Пьера Жане (Pierre Janet, *Les Nevroses* (Paris, 1898).), то коллективная душа заключает в себе *parties inferieures* (Низшие части (фр.). — Прим. пер.) психических функций, то есть те глубоко укоренившиеся, почти автоматические части души индивидуума, которые являются врожденными и обнаруживаются повсеместно, а значит, носят безличный или сверхличный характер. Сознание плюс личное бессознательное составляют *parties superieures* (Высшие части (фр.)- Прим. пер.) психических функций, то есть те части, которые развиваются в онтогенезе и приобретаются с опытом. В результате тот, кто присоединяет к своему богатству, которое досталось ему в ходе своего онтогенетического развития, еще и бессознательное наследство коллективной души, как если бы оно было частью первого, незаконным образом расширяет сферу своей личности. со всеми вытекающими последствиями. Коль скоро коллективная душа заключает в себе *parties inferieures* психических функций и. таким образом, образует базис каждой личности, подобное присоединение наследства коллективной души приводит к дроблению и обесцениванию личности, что проявляется либо в вышеупомянутом угасании веры в себя, либо в бессознательном повышении значительности своего Я (ego) вплоть до появления патологической воли к власти.

Поднимая личное бессознательное в сознание, анализ заставляет субъекта осознавать то, что он обычно замечает в других, но никогда — в самом себе. Это открытие делает его менее индивидуально своеобразным и вместе с тем более коллективным. Подобная коллективизация — не всегда шаг к несчастью; иногда она может оказаться ступенькой к благу. Есть люди, которые подавляют свои хорошие качества и сознательно дают волю своим инфантильным желаниям. Подъем вытесненных содержания поначалу вносит в сознание чисто личные содержания; но с ними оказываются связанными и коллективные элементы бессознательного, вездесущие инстинкты, качества и идеи (образы), а также все те “среднестатистические” доли добродетели и порока, которые мы признаем, говоря: “В каждом есть что-то от преступника, гения и святого”. Так возникает динамичная картина, в полной мере содержащая все то, что разыгрывается на мировой шахматной доске: счастье и несчастье, честь и бесчестье. Постепенно создается чувство солидарности с миром, которое многие считают весьма позитивным и, в определенных случаях, оно действительно оказывается решающим фактором в лечении неврозов. Я сам был свидетелем того, как некоторым больным в этом состоянии впервые в жизни удавалось вызвать любовь и даже испытать ее самим; или как, отважившись на прыжок в неизвестное, они встречались с той самой судьбой, которая была им уготована. Немало я повидал и тех, кто, считая это состояние конечным, пребывал в нем годами, охваченный инициативной эйфорией. Мне доводилось часто слышать упоминание таких случаев в качестве блестящих примеров аналитической терапии. Однако я должен обратить внимание на то, что больные этого эйфорического и инициативного типа столь остро нуждаются в размежевании с миром, что никто не смог бы признать их в принципе вылеченными. По моему мнению, они настолько же вылечены, насколько не вылечены. У меня была возможность проследить жизненный путь таких пациентов и, нужно признаться, многие из них обнаруживали неумение приспособиться к окружающей обстановке, что, в случае хронической неприспособленности, постепенно приводит к бесплодию и скуке, столь характерным для тех, кто лишился своего Я (ego). Здесь я опять-таки говорю о пограничных случаях, а не о тех менее ценных, обычных средних людях, для которых вопрос адаптации носит скорее технический, чем проблематический характер. Будь я больше врачом, чем исследователем, то, конечно, не смог бы удержаться от известного оптимизма с суждениях. потому что тогда мой взор был бы прикован к количеству исцелений. Но моя совесть исследователя обеспокоена не количеством, а качеством. Природа аристократична, и один стоящий человек перевешивает десяток других, менее ценных. Я внимательно присматривался к ценным людям, и именно на них открыл для себя сомнительность результатов чисто личного анализа, а также научился

понимать причины этой сомнительности.

Если из-за ассимиляции бессознательного мы ошибочно включаем коллективную психику в инвентарь личных психических функций, то неизбежно наступает распад личности на объединенные в пары противоположности. Помимо уже рассмотренной пары противоположностей, а именно, мании величия и чувства неполноценности, столь докучающе очевидных при неврозах, есть множество других пар, из которых я выберу лишь сугубо моральную пару противоположностей, то есть добро и зло. Видовые добродетели и пороки человечества содержатся в коллективной душе, как и все прочее. Один без всякого основания приписывает себе коллективную добродетель в качестве личного достоинства, а другой принимает коллективный порок как свой собственный грех. То и другое так же иллюзорно, как мегаломания и неполноценность, поскольку воображаемые добродетели и воображаемые пороки суть просто содержащиеся в коллективной душе моральные пары противоположностей, которые сделались воспринимаемыми или были искусственно доведены до сознания. Как много этих парных противоположностей содержит в себе коллективная душа, можно показать на примере примитивных народов: один наблюдатель обыкновенно превозносит их величайшие добродетели, тогда как другой выносит наихудшие впечатления о том же самом племени. В отношении дикаря, чья индивидуализация (*personal differentiation*), как известно, находится в самом начале пути, верны оба суждения, ибо его психика по существу коллективна и, следовательно, большей частью бессознательна. Дикарь еще более или менее тождествен коллективной душе и потому в равной мере обладает коллективными добродетелями и пороками, не приписывая их себе лично и не испытывая никакого внутреннего противоречия. Противоречие возникает лишь тогда, когда начинается личное развитие собственной души и когда рассудок открывает непримиримый характер противоположностей. Последствием этого открытия является конфликт вытеснения (*the conflict of repression*). Мы хотим быть добрыми и потому должны вытеснить зло; вместе с этим приходит конец раю коллективной души. Вытеснение коллективной души было совершенно необходимо для развития личности. у примитивных народов развитие личности или, точнее, развитие особы (*the person*) есть вопрос магического престижа. Фигура шамана или вождя племени служит живым примером остальным: оба обращают на себя внимание своеобразием нарядов и образа жизни, выражающим их социальные роли. Своеобразие внешних опознавательных признаков индивидуума выделяет его среди остальных, и это выделение еще больше усиливается благодаря владению особыми ритуальными секретами. С помощью этих и подобных им средств дикарь создает вокруг себя оболочку, которую можно было бы назвать персоной (*a persona*) [маской]. Как известно, маски действительно используются дикарями в тотемных обрядах, например, в качестве средств усиления или изменения личности. Таким способом этот выделяющийся среди остальных индивидуум, вероятно, выводится из сферы коллективной психики, причем в той степени, в какой ему удастся идентифицироваться со своей персоной. Это отдаление и означает собой магический престиж. Вероятно, легче всего утверждать, будто движущим мотивом в этом развитии выступает воля к власти. Однако, нельзя забывать, что создание престижа — это всегда результат коллективного компромисса: помимо того, что должен найтись соискатель престижа, общество тоже должно находиться в состоянии поиска того, кому даровать престиж. Раз это так, было бы неверно говорить, что некто добивается престижа благодаря своей особой воле к власти; напротив, создание престижа — дело сугубо коллективное. Поскольку общество как целое нуждается в магически действующей фигуре, оно использует эту нереализованность воли к власти у индивидуума и желание подчиняться у масс как связующее средство и, таким образом, вызывает создание личного престижа. Этот последний представляет собой феномен, который, как показывает история политических институтов, имеет огромное значение для взаимного признания законов и обычаев разными нациями.

Важность личного престижа едва ли можно переоценить, поскольку возможность регрессивного растворения в коллективной Душе представляет реальную опасность, причем не только для лидера, но и для идущих за ним. Такая возможность, по всей вероятности,

появляется в тех случаях, когда цель престижа — всеобщее признание — достигнута. Конкретное лицо (the person) становится тогда коллективной истиной, а это всегда есть начало конца. Завоевание престижа является позитивным достижением не только для выдвинувшегося индивидуума, но и для его клана. Единственный выделяется своими деяниями, большинство же характеризуется своим отречением от власти. До тех пор, пока эту позицию нужно отстаивать и защищать от враждебных влияний, достижение остается позитивным; но как только все препятствия преодолены и всеобщее признание достигнуто, престиж теряет свою позитивную ценность и обычно становится “пустым местом” — чем-то таким, что не применяется, но и не отменяется. Затем наступает раскол, и весь процесс начинается заново.

Поскольку личность имеет такое первостепенное значение для жизни общины, то все, что могло бы нарушить ее развитие, ощущается как опасность. Но самая большая опасность из всех существующих — это преждевременное разрушение престижа от вторжения коллективной души. Безусловное сохранение тайны представляет собой одно из самых известных примитивных средств изгнания этой опасности. Коллективное мышление и чувствование, равно как и коллективное усилие, требуют гораздо меньше напряжения, чем индивидуальное функционирование и усилие; поэтому всегда существует огромное искушение позволить коллективному функционированию занять место индивидуального выделения личности (individual differentiation of personality).

После того как личность выделена и защищена магическим престижем, ее “выравнивание” до уровня коллективной психики и, в конечном счете, растворение в коллективной душе (к примеру, отречение св. апостола Петра) вызывает “потерю души” индивидуумом, потому что какое-то важное личное достижение либо не получило признания, либо было сведено на нет. По этой причине к нарушителям табу применяются драконовские меры, вполне согласующиеся с серьезностью ситуации. До тех пор, пока эти вещи рассматриваются с позиции каузального подхода, просто как исторические пережитки и метастазы табу инцеста (Sigmund Freud, Totem and Taboo, translated by I. Strachey (London, 1950).), невозможно понять, ради чего существуют все эти меры. Но если подойти к этой проблеме с телеологической точки зрения, многое из того, что прежде не поддавалось объяснению, становится вполне понятным.

Итак, для развития личности совершенно необходимо строгое выделение себя (differentiation) из коллективной души, так как неполная или нечеткая дифференциация ведет к незамедлительному таянию индивидуального в коллективном. И тогда появляется опасность, что при анализе бессознательного коллективная и личная душа могут образовать неразделимый сплав, как я уже мельком упоминал, с весьма неблагоприятными последствиями. Эти последствия вредны как для жизнеощущения пациента, так и для его близких, если он вообще имеет какое-то влияние на свое окружение. Из-за своей идентификации с коллективной душой он неизбежно будет пытаться навязать требования своего бессознательного другим, ибо идентичность с коллективной душой всегда приносит с собой чувство общезначимости (universal validity) — “богоподобия”, — совершенно игнорирующего все различия личной души своих близких. (Чувство общезначимости ведет свое происхождение конечно же от всеобщности коллективной души.) Коллективная установка естественно предполагает ту же коллективную психику у других. Однако, это означает бесцеремонное пренебрежение не только индивидуальными различиями, но и различиями более общего характера внутри самой коллективной души, например, расовыми (Так, совершенно непростительной ошибкой было бы признавать выводы еврейской психологии валидными во всех случаях жизни. Никому и в голову не придет считать китайскую или индийскую психологию обязательной для нас. Дешевое обвинение в антисемитизме, которое было брошено мне из-за этой критики, не более разумно, чем обвинение меня в антикитайских настроениях. Несомненно, на более раннем и глубоком Уровне психического развития, где еще нельзя отыскать различие между арийской, семитской, хамитской или монгольской ментальностью, все человеческие расы имеют

общую коллективную душу (psyche). Но с началом расовой дифференциации существенные различия (повиваются также и в коллективной душе. По этой причине мы не можем пересадить дух чуждой нам расы *in globo* в нашу собственную ментальность, не нанося ощутимого ущерба последней, что, однако, не удерживает натур со слабым инстинктом от увлечения индийской философией и т. п.). Это игнорирование индивидуальности явно подразумевает удушение того самого единственного индивидуума, в результате чего элемент дифференциации в общине стирается. Этот элемент дифференциации суть индивидуум. Все величайшие достижения добродетели, равно как и самые страшные злодеяния, индивидуальны. Чем крупнее община и чем больше свойственная каждому крупному сообществу сумма коллективных факторов опирается на консервативные предрассудки, вредные для индивидуальности, тем больше будет подавляться — морально и духовно — индивидуум, и, в результате, единственный источник морального и духовного прогресса общества зарастает тиной коллективности. Как и следовало ожидать, единственным, что может буйно расти в такой атмосфере, оказывается общественный инстинкт (*sociality*) и все, что относится к коллективному в индивидууме. Все индивидуальное в нем гибнет, то есть обрекается на вытеснение. Индивидуальные элементы опускаются в бессознательное, где по закону необходимости превращаются в нечто по существу злое, разрушительное и анархическое. В обществе это злое начало обнаруживает себя в эффектных преступлениях (цареубийство и т. п.), совершаемых некоторыми пророчески настроенными индивидуумами; но у большей части народных масс оно остается в тени и проявляется лишь косвенно, в неумолимом нравственном вырождении общества. Увы, хорошо известно, что моральное состояние общества как целого обратно пропорционально его величине, ибо чем больше скапливается людей, тем больше стираются индивидуальные факторы, а с ними уничтожается и нравственность, которая всецело держится на моральном чувстве индивидуума и необходимой для проявления этого чувства свободе. Отсюда, каждый человек становится, не отдавая себе в этом отчета, в определенном смысле хуже, когда он находится в обществе, нежели когда он действует в одиночку; ибо он чувствует поддержку общества и до известной степени освобождается им от индивидуальной ответственности. Любая большая компания, составленная целиком из замечательных людей, имеет мораль и интеллект неуклюжего, тупого и свирепого животного. Чем больше организация, тем неизбежнее ее ждет безнравственность и безрассудство (*Senatus bestia, senatores boni vivi* (Сенат — чудовище, сенаторы — достойные мужи (лат.). — Прим. пер.)). Общество, автоматически подчеркивая коллективные качества своих отдельных представителей, поощряет посредственность, все то, что позволяет вести легкий и безответственный образ жизни.

Индивидуальность неизбежно окажется припертой к стене. Этот процесс начинается еще в школе, продолжается в университете и господствует во всех ведомствах, подвластных государству. Чем меньше социальная организация, тем в большей степени ее членам гарантирована индивидуальность, тем больше степень их относительной свободы и возможность осознанной ответственности. Без свободы не может быть морали. Наше восхищение огромными организациями уменьшается, когда однажды нам доводится осознать обратную сторону этого чуда: чудовищное накопление и выпячивание в человеке всего самого примитивного и неизбежное разрушение его индивидуальности в интересах того чудовища, каковым, фактически, является всякая большая организация. Современный человек, более или менее соответствующий такому коллективному идеалу, превратил свою душу в притон убийц, в чем легко можно убедиться с помощью анализа его бессознательного, даже если он сам ничуть не обеспокоен этим. И поскольку он обычно “адаптирован” к своему окружению, то даже самое постыдное поведение со стороны той группы, в которую он входит, не будет его беспокоить до тех пор, пока большинство его собратьев верит в восхваляемую нравственность своей социальной организации. Итак, все, что я сказал здесь о влиянии общества на индивидуума, совершенно справедливо в отношении влияния коллективного бессознательного на психику индивидуума. Но, как ясно

видно из моих примеров, это последнее влияние настолько же незаметно, насколько заметно первое. Отсюда не удивительно, что его внутренних последствий не понимают, а тех, с кем такое случается, считают патологическими чудаками и относятся к ним, как к сумасшедшим. Если бы одному из таких “курьезов природы” довелось оказаться подлинным гением, то обычно это признается лишь вторым или даже третьим поколением. Насколько понятным кажется нам тот случай, когда человек утопает в своем высоком положении, настолько же непостижимой для нас выглядит ситуация, когда он стремится к чему-то, что не совпадает с желаниями толпы, и когда он навсегда исчезает в этом “никому” не нужном ином. Остается лишь пожелать обоим чувства юмора, этого, как говорил Шопенгауэр, поистине “божественного” качества человека, которое только и способно сохранить его душу свободной.

Коллективные инстинкты и основные формы мышления и чувствования, чья активность обнаруживается благодаря анализу бессознательного, являются для сознательной личности приобретением, которое она не может ассимилировать без серьезного расстройства. Поэтому в практической терапии крайне важно всегда помнить о целостности (integrity) личности. Ибо, если коллективную психику полагать личной собственностью индивидуума, это будет иметь результатом искривление (distortion) или перегрузку (overloading) личности, справиться с которыми чрезвычайно трудно. Исходя из этого, необходимо проводить четкое различие между личными содержаниями и содержаниями коллективной души. Сделать это отнюдь не легко, потому что личная [душа] вырастает из коллективной души и тесно связана с ней. Поэтому трудно сказать, какие именно содержания можно назвать личными, а какие — коллективными. Несомненно, что те архаические символы, например, какие мы часто встречаем в фантазиях и сновидениях, являются коллективными моментами. Все основные инстинкты и основные формы мышления и чувствования коллективны. Все, что люди единодушно считают универсальным, — коллективно, равно как и все то, что всеми одинаково понимается, распознается, говорится и делается. При более близком исследовании всегда удивляешься, как много в нашей так называемой индивидуальной психологии подлинно коллективного. Действительно, его так много, что индивидуальные черты полностью затеняются коллективными. Поскольку, однако, индивидуация (“Индивидуация есть процесс дифференциации, имеющий своей целью развитие своеобразной личности у индивидуума”. “...Так как индивидуум есть не только единичное существо, но и всем своим существованием предполагает коллективные отношения, то процесс индивидуации ведет не к изоляции, а к более сильной и широкой коллективной сплоченности”) — это непреложная психологическая потребность, можно, исходя из доминирующего влияния коллективного, представить себе, какое особое внимание нужно уделять этому хрупкому саженцу “индивидуальности”, если мы не хотим загубить его.

У людей есть одна способность, которая, хотя и представляет величайшую полезность для коллективных целей, для индивидуации оказывается самой пагубной. Я имею в виду способность подражания. Коллективная психология не может обойтись без подражания, ибо без него попросту невозможны ни массовые организации, ни государство, ни даже общественный порядок. На самом деле, общество в гораздо меньшей степени организуется законом, чем склонностью к подражанию, в равной степени подразумевающей внушаемость, внушение и психическое заражение. Но мы видим каждый день, как люди пользуются, а вернее, злоупотребляют механизмом подражания в целях личной дифференциации: они довольствуются подражанием какой-то знаменитости, разительной черте характера или образу поведения, добиваясь этим внешнего отличия от круга лиц, в котором они вращаются. Едва ли нужно говорить, что в качестве наказания за это обезьяноподобное поведение единообразие их внутреннего мира (minds) с таковым у ближайшего окружения, и без того достаточно осязаемое, перерастает в бессознательную, компульсивную зависимость от окружающих. Как правило, эти показательные потуги индивидуальной дифференциации заканчиваются той или иной позой, и подражатель остается на том же уровне, на котором

всегда находился, только еще более бесплодным, чем раньше. Чтобы раскрыть, что в нас есть собственно индивидуального, требуется глубокая рефлексия, и тут до нас внезапно доходит, как необычайно трудно дается открытие индивидуальности.

III. Персона как часть коллективной души

В этой главе мы подходим к проблеме, которая, если ее проглядеть, может послужить причиной величайшей неразберихи. Вспомним, что при анализе личного бессознательного первыми к сознанию прибавляются личные содержания, и я предложил назвать эти когда-то вытесненные, но допускающие осознание содержания личным бессознательным. Я также показал, что присоединение более глубоких слоев бессознательного, названных мною коллективным бессознательным, вызывает расширение личности, ведущее к состоянию инфляции. Это состояние достигается простым продолжением аналитической работы, как это имело место в рассмотренном выше случае молодой женщины. Продолжая анализ, мы добавляем к личному сознанию целый ряд фундаментальных, общих и безличных характеристик рода человеческого, вследствие чего и вызывается та уже описанная мною инфляция (Этот феномен, который происходит в результате расширения сознания, вовсе не специфичен для аналитического терапии. Он встречается всякий раз, когда людей одолевает знание или новое понимание. “Знание надмевает”, — пишет Павел коринфянам [1 Кор. 8:1], ибо новое знание вскружило головы многим, что, фактически, происходит постоянно. Инфляция не имеет ничего общего с характером знания, но связана исключительно с тем обстоятельством, что всякое новое знание может настолько завладеть слабой головой, что человек уже ничего другого не видит и не слышит. Знание его гипнотизирует, и он тут же начинает верить, будто разгадал тайну вселенной. Но это всего лишь ужасное сомнение. Этот процесс представляет собой настолько общую реакцию, что в Бытии [2:17] вкушение от древа познания изображается как смертный грех. Сразу, может быть, и не ясно, почему большего сознания, сопровождаемого сомнением, следует так опасаться. Книга Бытия представляет акт становления сознательным как нарушение табу, как если бы знание означало, что кто-то неблагочестиво перешагнул некий священный барьер. Я думаю, что Книга Бытия права, поскольку каждый шаг в направлении большего сознания является чем то вроде прометеевой вины: посредством знания богов, так сказать, лишали их огня. Другими словами, то, что было собственностью бессознательных сил, вырывается из своей естественной обстановки и подчиняется прихотям сознательного ума. Человек, узурпировавший новое знание, претерпевает, однако, преобразование или увеличение сознания, которое теперь уже не имеет сходства с сознанием его близких. Он поднялся выше человеческого уровня своего поколения (“и станете, как Бог”, “ye shall become like unto God” (англ.). — Прим. пер.), но тем самым и отдалился от людей. Мука этого одиночества — месть богов, ибо никогда больше он не сможет вернуться назад, к людям. Он, как гласит миф, прикован к одинокой скале на Кавказе, покинутый Богом и людьми.), которую, вероятно, можно рассматривать как одно из неприятных последствий становления полностью сознательным.

С этой точки зрения сознательная личность есть более или менее произвольная часть коллективной души. Она заключается в сумме психических фактов, которые некто считает личными. Определение “личный” означает “принадлежащий исключительно этому частному лицу”. Сознание, которое целиком и полностью является личным, с известной тревогой подчеркивает свое исконное право и право частной собственности на свои содержания, стремясь таким образом создать видимость целого. Что касается содержаний, отказывающихся втискиваться в это целое, то с ними поступают двояко: либо не обращают внимания и забывают об их существовании, либо вытесняют и отрицают. Это обычный способ самовоспитания, но он слишком произволен и насильствен. Слишком многим из нашей общечеловеческой природы приходится жертвовать в интересах идеального образа, по которому человек пытается сформировать себя. Отсюда, эти безупречно “личные” люди

всегда очень чувствительны к происходящему, ибо легко может случиться нечто такое, что внесет в сознание нежеланную часть их подлинного (“индивидуального”) характера.

Эту произвольно, хотя и часто с большим трудом формируемую часть коллективной души я называл персоной (persona). Термин персона в самом деле весьма подходящее для этого выражение, ибо первоначально юно означало маску, которую когда-то одевали актеры, чтобы обозначить исполняемую ими роль. Если же мы попытаемся провести точную границу между тем психическим материалом, который следует считать личным, и тем, который следует считать безличным, то вскоре окажемся в величайшем затруднении, ибо, по определению, мы обязаны сказать о содержаниях персоны то же самое, что уже было сказано о безличном бессознательном, а именно, что они коллективны. Только потому что персона представляет более или менее произвольную и случайную часть коллективной души, мы и можем заблуждаться, ошибочно расценивая ее *in toto* как нечто индивидуальное. Но персона, о чем свидетельствует ее название, является лини. маской коллективной души, той маской, что симулирует индивидуальность, заставляя других и самого ее обладателя поверить в то, будто он индивидуален, тогда как он просто играет роль, через которую говорит коллективная душа.

Когда мы анализируем персону, мы сдираем маску — и обнаруживаем: то, что казалось индивидуальным, по сути своей коллективно, или, говоря иначе, персона была только маской коллективной души. В принципе, маска и нереальна вовсе: она лишь компромисс между индивидуумом и обществом в отношении того, каким человек должен быть с виду. Он делает себе имя, заслуживает титул или звание, выполняет некие обязанности, и вообще — он то один, то другой. В известном смысле все это — реально, и все-таки, в отношении составляющей сущность данного лица индивидуальности, это — вторичная реальность, в создании которой другие часто принимают большее участие, чем само заинтересованное лицо. Персона есть видимость, реальность, имеющая два измерения [= личина. — А. А.], если уж давать ей прозвище.

Было бы неправильно оставлять обсуждаемый вопрос в чем виде, как он поставлен, не признан одновременно, что и конце концов есть нечто индивидуальное в конкретном выборе и очерчивании персоны и что, несмотря на исключительную тождественность эго-сознания и персоны, бессознательная самость — действительная индивидуальность человека — всегда присутствует и дает о себе знать если не прямо, то косвенно. Хотя эго-сознание на первый взгляд тождественно персоне — той компромиссной роли, в которой мы выставляем себя перед обществом, бессознательную самость все же невозможно вытеснить до конца. Ее влияние обнаруживается, главным образом, в особого рода контрастирующих и компенсирующих содержаниях бессознательною. Чисто личная позиция сознательного ума вызывает со стороны бессознательного реакции, которые, вместе с личными вытеснениями, содержат в себе зачатки (seeds) индивидуального развития под видом коллективных фантазий. Благодаря анализу личного бессознательного, сознательная психика покрывается коллективным материалом, который приносит с собой элементы индивидуальности. Я полностью осознаю, что этот вывод должен быть скорее всего совершенно непонятен любому, кто не знаком с моими взглядами и методикой работы, и особенно тем, кто привык рассматривать бессознательное с точки зрения фрейдовской теории. Но если читатель вспомнит мой пример со студенткой философии, то сможет создать у себя приблизительное представление о том, что я имею в виду. В начале лечения пациентка совершенно не сознавала того, что ее отношение к отцу было фиксацией и что поэтому она искала похожего на своего отца мужчину, на котором затем могла бы испытать свои интеллект. Само по себе это не было бы ошибкой, если бы ее интеллект не носил того сугубо опротестовывающего характера.

каковой, к несчастью, столь часто встречается у интеллектуальных женщин. Такой интеллект всегда нацелен на поиск и указание ошибок другим; ему присуща чрезмерная критичность, с неприятно задевающим личным оттенком, однако его обладательницы претендуют на то, чтобы всегда считаться объектом иными. Мужчину это неизменно

раздражает, особенно если критика, как это часто бывает, касается какого-то слабого места, разговор о котором, в интересах плодотворности диалога, лучше было бы вообще не заводить. Но в том и заключается несчастливая особенность этого женского интеллекта, что он нацелен не на плодотворный диалог, а на выискивание у мужчины слабых мест с тем, чтобы прицепиться к ним и доводить партнера до белого каления. Справедливости ради, следует заметить, что обычно женщина не ставит себе такой сознательной цели, а имеет скорее бессознательное намерение заставить мужчину занять высшее положение, и тем самым превратить его в объект восхищения. Мужчина, как, правило, не замечает, что ему навязывают роль героя; ему настолько претят “шпильки” своей партнерши, что, избавившись от нее, он постарается никогда больше не встречаться с этой дамой. В конце концов, единственный способный вынести ее мужчина — это тот, кто уступает с самого начала, а значит и не представляет из себя ничего такого, чем можно было бы восхищаться.

Размышляя над всем этим, моя пациентка, естественно, многое для себя открыла, ибо она понятия не имела об игре, в которую играла. Кроме того, ей нужно было еще разглядеть настоящий роман, который разыгрывался между ней и отцом с самого детства. Нас слишком далеко завело бы подробное описание того, как уже с самых ранних лет, с бессознательным сочувствием, она играла на теневой стороне отца, которую ее мать никогда не признавала, и как она стала, задолго до отведенного ей срока, соперницей матери. Все это вышло на свет в ходе анализа личного бессознательного. Поскольку, хотя бы только по профессиональным соображениям, я не мог позволить себе раздражаться, То неизбежно превратился в героя и отца-возлюбленного. Поначалу перенесение тоже состояло из содержаний личного бессознательного. Моя роль героя была просто бутафорией и потому, поскольку благодаря ей я превращался в чистейший фантом, пациентка могла играть свою традиционную роль умудренной жизнью, не по годам зрелой, все понимающей матери-дочери-возлюбленной — пустую роль, персону, за которой скрывалась ее реальная и подлинная жизнь, ее индивидуальная самость. Ведь в той степени, в какой она сначала полностью идентифицировалась со своей ролью, она совершенно не признавала свою подлинную самость. Она все еще оставалась в своем расплывчатом инфантильном мире и пока вообще не открыла для себя реальный мир. Но по мере того, как она, благодаря постепенному анализу, стала признавать существо своего перенесения, начали претворяться в жизнь те сновидения, о которых я говорил в главе 1. Они поднимали наверх частицы коллективного бессознательного, — и это было концом ее инфантильного мира вместе со всей высокопарной риторикой. Она пришла в себя и к себе, то есть к своим собственным реальным возможностям. Таков приблизительный ход вещей в большинстве случаев, если анализ заходит достаточно далеко. То, что сознание ее индивидуальности так точно совпадает с реактивацией архетипического образа Бога, вовсе не случайное стечение обстоятельств, а весьма часто событие, которое, на мой взгляд, соответствует закону бессознательного.

После этого отступления давайте вернемся к нашим предшествовавшим ему размышлениям.

В том случае, если личные вытеснения освобождаются из бессознательного плена, сплавленные вместе индивидуальность и коллективная душа начинают выходить наружу, тем самым освобождая ранее вытесненные личные фантазии. Появляющиеся теперь фантазии и сновидения принимают несколько иной вид. Верным признаком коллективных образов, по-видимому, служит появление “космического” начала; другими словами, образы сновидения или фантазии в этом случае связаны с космическими качествами, например, временной и пространственной бесконечностью, огромными расстояниями, преодолеваемыми с немыслимой скоростью, “астрологическими” ассоциациями, теллурическими, лунными и солярными аналогиями, изменениями размеров тела и т. д. Очевидные случаи появления в сновидениях мифологических и религиозных мотивов также указывают на активность коллективного бессознательного. Коллективное начало весьма часто заявляет о себе через своеобразные симптомы (Возможно, нелишне заметить, что

коллективные элементы в сновидениях появляются отнюдь не только на этой стадии аналитической терапии. Существует множество психологических ситуаций, в которых активность коллективного бессознательного может выйти на поверхность. Однако, здесь не место вдаваться в обсуждение этих состояний.), например, когда кому-то снится, будто он летит, подобно комете, сквозь космическое пространство; будто он — Земля, Солнце или какая-то звезда; будто его тело огромно или, наоборот, микроскопически мало, а то — будто он умер, находится в неизвестном месте, не знает, кто он, не знает, что делать, сошел с ума и т. д. Подобным же образом, вместе с симптомами инфляции могут появляться чувства дезориентированности, головокружения и т. п.

Прорывающиеся из коллективной души силы производят сбивающее с толку и ослепляющее действие. Распад персоны однозначно вызывает высвобождение произвольной фантазии, которая, видимо, есть не что иное, как специфическая активность коллективной души. Эта активность извергает такие содержания, о существовании которых человек никогда прежде не догадывался. Но вместе с усилением, влияния коллективного бессознательного ослабевает руководящая власть сознательного ума. Он незаметно становится ведомым, в то время как бессознательный и безличный процесс берет руководство на себя. И тогда сознательная личность, не замечая этого, передвигается подобно фигуре на шахматной доске под рукой невидимого игрока. И именно этот игрок определяет партию судьбы, а не сознательный ум со своими планами. В приведенном выше примере разрешение переноса, казавшееся сознательному уму просто невозможным, было осуществлено как раз этим путем.

Попадание под влияние бессознательного процесса становится неизбежным всякий раз, когда возникает необходимость преодоления на вид непреодолимого затруднения. Само собой разумеется, что эта необходимость появляется не у каждого больного неврозом, поскольку, возможно, в большинстве случаев главным соображением оказывается всего лишь устранение временных трудностей адаптации. Разумеется, явно тяжелые случаи не поддаются лечению без глубокого изменения характера или установки. В гораздо же большем числе случаев адаптация к внешней действительности требует так много труда, что внутренней адаптации к коллективному бессознательному просто не удастся уделить внимания в течение довольно долгого времени. Зато в тех случаях, когда эта внутренняя адаптация становится проблемой, от бессознательного исходит какое-то удивительное, непреодолимое притяжение, которое оказывает мощное влияние на сознательную линию жизни. Превосходство бессознательных влияний вкупе со связанными с ним распадом персоны и лишением сознательного ума власти образует состояние психической неустойчивости, вызываемое при аналитическом лечении искусственно, с терапевтической целью: устранить препятствия, могущие сдерживать дальнейшее развитие. Конечно, существует бесчисленное множество препятствий, которые можно преодолеть с помощью доброго совета и моральной поддержки, при условии доброй воли и понимания со стороны пациента. Этим путем можно добиться отличных лечебных результатов. Не так уж редки случаи, где вообще нет никакой нужды заводить разговор о бессознательном. Но, с другой стороны, существуют затруднения, в отношении которых нетрудно предвидеть невозможность удовлетворительного разрешения. Если в этих случаях психическое равновесие не нарушается еще до начала лечения, то это обязательно происходит во время анализа, и иногда, без какого-либо вмешательства со стороны врача. Часто кажется, словно эти пациенты только и ждали появления вызывающего доверие человека, чтобы тотчас же отказаться от борьбы и пасть духом.

Такая утрата равновесия, в принципе, сходна с психологическим нарушением: то есть, она отличается от начальных стадий психического заболевания только тем, что в конечном счете приводит к улучшению здоровья, тогда как последнее — к еще большему его разрушению. Это — состояние паники перед лицом на первый взгляд безнадежных осложнений. Обычно ему предшествовали отчаянные попытки силой воли справиться с затруднением; затем наступало крушение надежд, — и некогда руководящая воля полностью

распадалась. Высвобожденная в результате этого распада энергия теряется сознанием и переходит в бессознательное. Фактически, первые признаки бессознательной активности появляются как раз в такие моменты. (Я сразу вспоминаю случай с юношей, явно обделенным крепким умом и силой духа.) Очевидно, та энергия, что уходила из сознания, активировала бессознательное. Непосредственный результат — изменение установки. Легко можно себе представить, что более сильный человек, оказавшись он на месте этого юноши, воспринял бы то же видение звезд как знак возможного исцеления и посмотрел бы на человеческое страдание *sub specie aeternitatis* (С точки зрения вечности (лат.). — Прим. пер.), и каковом случае его душевное равновесие было бы восстановлено.

Случись так, качавшееся непреодолимым препятствие было бы устранено. Исходя из этого, я считаю, что такая утрата равновесия служит определенной цели, поскольку приводит к замещению дефектного сознания автоматической и инстинктивной деятельностью бессознательного, которая все это время нацелена на создание нового равновесия и, следует заметить, обычно достигает этой цели, при условии, что сознательный ум в состоянии ассимилировать производимые бессознательным содержания, то есть способен понять и переварить их. Если бессознательное просто деспотически командует сознательным умом, то развивается психотическое состояние. Если же бессознательному не удастся ни безраздельно господствовать, ни даже быть понятым, то результатом будет конфликт, деформирующий все дальнейшее продвижение вперед. Однако в вопросе понимания коллективного бессознательного мы сталкиваемся с огромной трудностью, которую я сделал предметом обсуждения в следующей главе.

IV. Безуспешные попытки освобождения индивидуальности от коллективной души

A. Регрессивное восстановление персоны

Крах сознательной установки — дело серьезное. Он всегда переживается как конец света, как если бы весь мир вернулся назад к первозданному хаосу. Человек чувствует себя покинутым, сбившимся с курса и потерявшим управление кораблем, отданным во власть стихий. Так, по крайней мере, ему кажется. В действительности же, он просто обратился в нужде к коллективному бессознательному, которое отныне берет руководство на себя. Можно было бы умножить количество примеров таких случаев, когда “спасительная” мысль, видение, “внутренний голос” с неотразимой силой убеждения появлялись в критический момент и давали жизни новое направление. Пожалуй, можно было бы привести не меньше примеров того, когда крушение надежд означало катастрофу, разрушавшую всю жизнь, ибо и такие моменты, кроме спасительных, могут приходить” и застревать болезненные идеи, а также могут блекнуть идеалы, что не менее губительно. В первом случае развивается какая-то психическая странность или психоз, а в последнем — состояния дезориентации и деморализации. Однако, в том случае, когда содержания бессознательного прорываются в сознание, замещая его функции своей жуткой властью приговора, встает вопрос о том, как среагирует на это индивидуум. Одолеют ли его в конце концов эти содержания? Или он сразу примет их доверчиво? Или, может быть, отвергнет? (В данный момент я не рассматриваю идеальную реакцию, а именно, критическое понимание.) Первый случай означает паранойю или шизофрению; во втором случае индивидуум может либо превратиться в пророчествующего чудака либо возвратиться к инфантильной установке и оказаться отрезанным от соответствующего ему возрасту и положению общества; третий случай подразумевает регрессивное восстановление персоны. Эта формулировка настолько отдает специальной терминологией, что читатель вполне может предположить, будто она имеет отношение к той сложной психической реакции, какую модно наблюдать в ходе аналитического лечения. Было бы, однако, ошибкой думать, что такого рода случаи

появляются только при аналитической терапии. Этот процесс с равным успехом (а часто и лучше) можно наблюдать в других жизненных ситуациях, а именно — во всех тех случаях карьеры, где имело место жестокое разрушительное вмешательство судьбы. По всей вероятности, каждому довелось в той или иной мере испытать на себе превратности судьбы, но обыкновенно они наносят раны, которые заживают и не оставляют после себя уродующих и лишаящих трудоспособности отметин. Однако, здесь мы имеем дело с пагубным опытом (experiences), который может полностью сломить человека или, по крайней мере, покалечить его навсегда. Возьмем для примера дельца, который пошел на чрезмерный писк и в результате оказался банкротом. Если он не позволит себе пасть духом из-за случившейся с ним неприятности и, поборов страх и уныние, сохранит прежнюю смелость в делах, возможно добавив к ней немного полезной осторожности, то его “рана” заживет без каких-либо остаточных явлений. Но если он все же не выдерживает удара, отказывается от всякого дальнейшего писка и мучительно пытается поправить свою общественную репутацию в рамках гораздо более ограниченной личности, с умонастроением напуганного ребенка выполняя неквалифицированную работу на должности, которая значительно ниже его возможностей, то, говоря на профессиональном языке, он, вероятно, восстановил свою персону регрессивным путем. Видимо, в результате испуга он ускользнул в более раннюю фазу своей личности. Очевидно, он поступил низко, притворяясь, будто остается тем же, кем был до этого решающего события (experience), хотя на самом деле не мог даже помыслить о повторении такого риска. Возможно, прежде он хотел большего, чем мог совершить; теперь же он не отваживается даже на то, что ему вполне по силам.

Такие случаи (experiences) встречаются среди лиц любого социального положения и принимают всевозможные формы, а значит, их можно обнаружить и в психологическом лечении. И здесь дело касается расширения личности, риска своим материальным положением или собственной натурой. То, что таким переломным событием (critical experience) в текущем лечении является перенесение, хорошо видно на примере нашей студентки философии. Как я уже указывал, у пациента существует возможность бессознательно проскользнуть над рифом перенесения, которое в этом случае не становится содержанием личного опыта, и потому не происходит ничего серьезного. Врач, ради простой выгоды, вполне мог бы желать себе таких пациентов. Но если пациенты интеллектуальны, они скоро открывают для себя существование этой проблемы. И если тогда врач, как в упомянутом выше случае, возвеличивается до отца-возлюбленного и, следовательно, становится объектом бурного потока адресованных ему запросов, он волей-неволей должен до конца продумать пути и средства отражения этой бешеной атаки, чтобы не оказаться самому втянутым в водоворот и, в то же время, не навредить пациенту. Насильственное прерывание перенесения может вызвать полный рецидив или кое-что похуже; поэтому с данной проблемой нужно обращаться с большим тактом и предусмотрительностью. Другой возможностью является благочестивая надежда, что “со временем” это “сумасбродство” прекратится само собой. Конечно, все проходит со временем, но это “сумасбродство” может продолжаться весьма долго, и трудности могут оказаться настолько невыносимыми для обеих сторон, что мы могли бы с равным успехом сразу отбросить идею времени как целебного фактора.

Казалось бы, гораздо лучший инструмент для “сражения” с перенесением предлагает теория неврозов, сформулированная Фрейдом. Зависимость пациента объясняется в ней как инфантильный сексуальный запрос (demand), занимающий место здорового распоряжения зрелой сексуальностью. Сходные преимущества предлагает и теория Адлера (Alfred Adler, *The Neurotic Constitution*, первая публикация п 1912 г... перевод на англ. В. Glueck и J. E. Lind (London, 1921).), объясняющая перенесение как инфантильное намерение обрести власть и как “меру безопасности” (“security measure”). Обе теории так искусно прилажены к невротической ментальности, что любой случай невроза можно объяснить одновременно обеими теориями (Ср. “On the Psychology of the Unconscious” (Collected Works. Vol. 7) pars. 44ff, где приведен пример одного такого случая. [Русск, пер.: О психологии

бессознательного // Юнг К. Г. Психология бессознательного М.: Канон. 1994. — Прим. пер.}). Этот весьма примечательный факт, который должен быть подтвержден любым непредубежденным наблюдателем, может опираться лишь на то обстоятельство, что фрейдовский “инфантильный эротизм” и адлеровское “влечение к власти” суть одна и та же вещь, независимо от теоретических расхождений между этими школами. Это просто фрагмент вышедшего из-под контроля, а поначалу и вовсе не поддающегося управлению изначального инстинкта, который обнаруживает себя в феномене перенесения. Архаические формы фантазии, постепенно достигающие поверхности сознания, служат лишь дополнительным доказательством этого.

Мы можем испытать обе теории, раскрыв пациенту глаза на то, насколько инфантильны, невозможны и абсурдны его запросы, — и, возможно, в конце концов он одумается и снова возьмется за ум. Однако, моя пациентка оказалась не единственной, кто этого не сделал. Несомненно, врач всегда может спасти свою репутацию с помощью этих теорий и более или менее гуманно выпутаться из тягостного положения. Действительно, есть пациенты, с которыми не стоит — или кажется, что не стоит — заходить в лечении дальше; но есть и такие, которым эти процедуры наносят бессмысленную душевную рану. В случае моей студентки я смутно чувствовал что-то в этом роде и потому отказался от своих рационалистических попыток ради того, чтобы — пусть с нескрываемым недоверием — дать природе шанс исправить, как мне казалось, ее же собственную глупость. Как уже упоминалось, это открыло мне нечто чрезвычайно важное, именно, существование бессознательной саморегуляции. Бессознательное может не только “желать”, но и отказываться от своих желаний. Это осознание, представляющее огромную важность для целостности личности, должно оставаться недоступным для любого, кто не способен разделаться с мнением, будто дело здесь просто в инфантилизме. Такой человек повернет назад у самого порога этого осознания и скажет себе: “Конечно, все это вздор. Я безумный фантазер! Лучшее, что можно было бы сделать, так это похоронить бессознательное или выбросить его за борт вместе со всеми его сочинениями”. Смысл и цель того, о чем он так страстно мечтал, теперь будет представляться ему детским лепетом. Он поймет, что сжигавшее его желание было абсурдным, научится терпимо относиться к себе, смиряться с неизбежностью. На что он способен? Вместо того, чтобы смело вступать в конфликт, он будет, скорее, уходить от него, и — если говорить о пределе его возможностей — будет регрессивно восстанавливать свою разбитую вдребезги персону, обесценивая все те надежды и ожидания, которые расцвели под воздействием перенесения. Он станет мелочнее, ограниченнее, рационалистичнее, чем прежде. Нельзя сказать, чтобы такой исход был безоговорочным несчастьем во всех случаях, ибо есть очень много людей, которые в силу своей заведомой неспособности больше преуспевают в условиях рационалистической системы, чем в состоянии свободы. Свобода — это одно из самых трудных условий жизни. Те, кто в состоянии снести такой выход из положения, могут сказать вместе с Фаустом:

Достаточно познал я этот свет,
А в мир другой для нас дороги нет.
Слепец, кто гордо носится с мечтами,
Кто ищет равных нам за облаками!
Стань твердо здесь — и вокруг следи за всем:
Для дельного и этот мир не нем.
Что пользы в вечность воспарять мечтою!
Что знаем мы, то можно взять рукою.
И так мудрец, весь век свой проведет.
Грозитесь, духи! Он себе пойдет...

(Гете. Фауст., II. действие 5.)

Такое решение было бы идеальным, если бы человек действительно был способен

избавиться от бессознательного, лишить его энергии и активности. Но опыт показывает, что бессознательное можно лишить только части его энергии; оно не прерывает своей активности, ибо не только содержит в себе либидо но и само является его источником, из которого происходит утечка психических элементов. Поэтому было бы заблуждением считать, будто с помощью какой-то там магической теории или метода можно полностью опустошить бессознательное, выкачав из него либидо, и тем самым как бы устранить его. Можно какое-то время тешить себя этой иллюзией, но наступает день, когда приходится сказать вместе с Фаустом:

Теперь весь воздух чарами кишит,
И этих чар никто не избежит.
Пусть светел и разумен ясный день,
Но в сети снов нас ловит ночи тень;
Пусть весело с прогулки я иду, —
Вдруг ворон каркнет. Что же? На беду.
Так суеверье царствует везде:
То-к горю, это — к счастью, то — к беде.
И вот стоять один, страшась всего...
Дверь скрипнула... Но нет здесь никого...

(Там же.)

Никто не в состоянии по своему желанию лишить бессознательное его законной власти. В лучшем случае, мы можем просто обманываться на сей счет. Ибо, как говорит Гете:

Пусть меня не слышит ухо. —
Громозвон мой в недрах духа:
В разных образах встает
Мой суровый, властный гнет;

(Там же.)

Лишь одно средство эффективно против бессознательного, и это средство — жестокая материальная нужда, или нищета. (Те, кому известно о бессознательном несколько больше, увидят за материальной нуждой тот же самый лик, что когда-то пристально глядел на них изнутри.) Духовная, внутренняя нищета может смениться на материальную, внешнюю нужду, и пока материальная бедность оказывается настоящей, а не искусственно сфабрикованной, душевные проблемы более или менее утрачивают свою силу. Вот почему Мефистофель дает Фаусту, пресытившемуся “бесмысленными чарами”, следующий совет:

Изволь, вот средство возрожденья
Без чар, без денег, без леченья:
Уединись и глуши полей,
Руби, копай, потей за плугом
И ограничить тесным кругом
Себя и ум свой не жалея;
Питайся просто в скромной доле,
живи, как скот, среди скотов
И там, где жал ты, будь готов
Сам удобрять навозом поле.

(Гете. Фауст, I, сцена 6.)

Хорошо известно, что “простая жизнь” не может быть фальшивой, и потому беспроblemное существование бедняка, действительно предоставленного судьбе,

невозможно обрести путем таких дешевых подделок. Только тот, кто живет такой жизнью не по простой возможности, но принужден к ней бедностью своей натуры, будет слепо проходить мимо проблемы собственной души, поскольку ему просто не достаёт способности понять ее. Но стоит ему однажды увидеть проблему Фауста, спасательный выход в “простую жизнь” закрывается для него навсегда. Конечно, ничто не удерживает его от приобретения небольшого домика в деревне, ленивой работы в огороде и употребления в пищу сырой репы. Однако, его душа смеется над этим обманом. Только подлинное обладает способностью исцелять.

Регрессивное восстановление персоны оказывается возможной линией поседения лишь для того, кто переломной неудачей своей жизни обязан собственной раздутости (inflatedness). После того как личность уменьшается, он возвращается к тому, что способен исполнять. Но в любом другом случае смирение и самоуничижение есть просто увертка, поддерживать которую в течение длительного срока удастся только ценой невротического нездоровья. С сознательной точки зрения заинтересованного лица его состояние выглядит и не уверткой вовсе, а кажется обусловленным невозможностью справиться с проблемой. Обычно он оказывается в одиночестве, практически не получая помощи в нашей современной культуре. Даже психологии нечего ему предложить, кроме редукционистских толкований, поскольку она неизбежно подчеркивает архаический и инфантильный характер этих переходных состояний и тем самым делает их для него неприемлемыми. Ему не приходит на ум, что медицинская теория может, кроме прочего, иметь целью предоставление врачу возможности более или менее элегантно высвободить свою голову из петли. Вот почему эти редукционистские теории так превосходно соответствуют сущности невроза — потому что они оказывают такую огромную услугу врачу.

Б. Идентификация с коллективной душой

Второй путь ведет к идентификации с коллективной душой. Вообще-то это равносильно принятию инфляции, но теперь она возводится в ранг системы. Другими словами, кто-то претендует на то, чтобы быть единственным обладателем той великой истины, которая только и ждет, чтобы её открыли, или обладателем эсхатологического знания, несущего в себе магическую способность обращать язычников в истинную веру. Эта установка далеко не всегда предстает в откровенной форме мегаломании, но чаще принимает более мягкие и привычные формы пророческого вдохновения и страсти к мученичеству. Для людей недалеких, столь часто не обладающих ничем, кроме изрядной доли честолюбия, тщеславия и неуместной наивности, опасность поддаться этому соблазну чрезвычайно велика. Доступ к коллективной душе означает для индивидуума обновление жизни, независимо от того, будет ли оно переживаться как приятное или неприятное. Каждому хотелось бы закрепиться в этом новом состоянии: одному — потому что новизна усиливает его жизнеощущение, другому — потому что обновление обещает богатый урожай знаний, третьему — потому что он нашел ключ к преобразению всей своей жизни. Поэтому все те, кто не хочет лишать себя величайшего сокровища, зарытого в коллективной душе, будут всеми доступными средствами поддерживать заново установленную ими связь с изначальным источником жизни (Здесь я хотел бы обратить внимание на интересное замечание Канта. В своих лекциях по психологии он говорит о “сокровище, лежащем в сфере тусклых представлений, той глубокой пучине человеческого знания, недостижимой для нас в принципе”. Это сокровище, как я продемонстрировал в своей работе *Symbols of Transformation* (Collected Works, Vol. 5), представляет собой совокупность всех тех изначальных образов, в которые вкладывается либидо или, вернее, которые являются саморепрезентациями либидо.). По-видимому, идентификация кажется кратчайшим путем к этому, ибо растворение персоны в коллективной душе настойчиво приглашает соединиться с первичным хаосом и забыть обо всем в его объятиях. Этот осколок мистицизма от рождения

застревает в сердцах лучших людей в форме “стремления к Матери”, ностальгии по тем истокам, откуда мы когда-то вышли.

Как я уже показал в своей книге о либидо [Symbols of Transformations (Collected Works, Vol. 5)], в основе этого регрессивного стремления, которое Фрейд понимает как “инфантильную фиксацию” или “желание инцеста”, лежит вполне определенная ценность и не менее определенная потребность (need), с явной форме сформулированные в мифах. Ведь именно самые сильные и лучшие среди людей, герои, уступают своему регрессивному стремлению и намеренно подвергают себя опасности быть проглоченными чудовищем материнской пучины. Но раз это герой, то он потому герой, что как раз и не позволяет чудовищу уничтожить себя, а наоборот, покоряет его, — и не единожды, а многократно. Победа над коллективной душой только и приносит справедливое возмещение за риск — завладение сокровищем, непобедимым оружием, магическим талисманом или чем-то еще, что миф считает наиболее достойным желания. Любой, кто идентифицируется с коллективной душой — или, выражаясь языком мифа, позволяет чудовищу сожрать себя, — и исчезает в ней, добирается до сокровища, которое сторожит дракон, однако делает это со зла и во вред себе.

Пожалуй, никому из тех, кто осознал абсурдность этой идентификации, не хватило бы мужества возвести ее в принцип. Но опасность заключается в том, что очень многим не хватает совершенно необходимого в такой ситуации чувства юмора, или же это чувство покидает их при подобном, весьма специфическом стечении обстоятельств: их охватывает что-то вроде пафоса, все кажется полным значения, а всякая действенная самокритика сдерживается. Я не стал бы вообще отрицать существования истинных пророков, но во имя осторожности начинал бы с сомнения в каждом конкретном случае; ибо это слишком серьезный для нас вопрос, чтобы не задумываясь признавать того или иного человека настоящим пророком. Каждый заслуживающий уважения пророк решительно борется против этих бессознательных притязаний своей роли. Поэтому, когда на нашем горизонте внезапно появляется пророк, было бы лучше осторожно предположить возможное нарушение душевного равновесия.

Однако помимо возможности стать пророком есть и другое соблазнительное удовольствие, более тонкое и, на первый взгляд, более законное: удовольствие стать учеником пророка. Для подавляющего большинства людей это прямо-таки идеальный способ. Его преимущества: *odium dignitatis* (Невыносимость достоинства (=высокого положения) (лат.). — Прим. пер.), сверхчеловеческая ответственность пророка, превращается в значительно более приятный *otium indignitatis* (Покой недостойности (=низкого положения) (лат.). — Прим. пер.). Ученик — недостойный; он учится у Мастера и остерегается иметь собственные идеи. Умственная леность становится достоинством; по крайней мере, он может греться под солнцем полубожественного существа. Ученик может наслаждаться архаизмом и инфантилизмом своих бессознательных фантазий без ущерба для себя, ибо вся ответственность перекладывается на Мастера. Вследствие обожествления им Мастера, ученик, видимо, не замечая этого, растет и сам. А кроме того, разве не обладает он великой истиной, пусть даже и не им открытой, но все же полученной прямо из рук Мастера? Естественно, ученики всегда держатся вместе, но не из любви, а в результате вполне понятного намерения без усилий поддерживать собственную убежденность в правоте учения путем создания атмосферы коллективного согласия.

Это и есть идентификация с коллективной душой, которая, в целом, кажется более достойной похвалы: кто-то другой не только имеет честь быть пророком, но и несет за это опасную ответственность. Что касается самого идентифицирующегося, то хотя он всего лишь ученик, но, вместе с тем, и один из хранителей огромного сокровища, найденного Мастером. Ученик в полной мере ощущает достоинства и бремя такого положения, считая формальным долгом и моральной обязанностью поносить всех инакомыслящих, вербовать прозелитов и просвещать язычников, — точь-в-точь как если бы он сам был пророком. И те самые люди, что крадучись живут за внешне благопристойной персоной, оказываются как

раз теми, кто, раздувшись в результате идентификации с коллективной душой, внезапно появляется на мировой арене. Ибо подобно тому как пророк являет собой изначальный образ из коллективной души, так и с учеником пророка происходит то же самое.

В обоих случаях инфляция вызывается коллективным бессознательным, и в результате страдает независимость индивидуальности. Но поскольку отнюдь не все индивидуальности имеют силы быть независимыми, фантазия ученика, возможно, есть верх того, на что они способны. Сопровождающие инфляцию удовольствия хотя бы отчасти компенсируют утрату духовной свободы. Не следует недооценивать и то обстоятельство, что жизнь настоящего или воображаемого пророка полна страданий, разочарований и лишений, так что кричащая осанну шайка (band) учеников обладает компенсаторным значением. Все это по-человечески так понятно, что появился бы повод для удивления, если бы вдруг обнаружилось наличие какой-то более отдаленной цели происходящего.

Вторая часть. ИНДИВИДУАЦИЯ

I. Функция бессознательного

Предназначение, возможная цель находится за пределами тех альтернативных представлений, о которых шла речь в предыдущей главе. Это путь индивидуации. Индивидуация означает становление “не-делимым” (“in-dividual”) (От лат. in-dividuus — “неделимый”, но еще и “неразделенный”. “неразведенный”, “нерасщепленный”. — Прим. пер.), и коль скоро “индивидуальность” заключает в себе нашу глубочайшую, крайнюю и бесподобную особенность, она также подразумевает становление человека самим собой. Поэтому мы могли бы истолковать индивидуацию как “путь к себе” или как “самоосуществление”.

Рассмотренные в предыдущих главах возможные пути развития, были, по сути, отчуждением самости (- отдалением от себя. — А. А.), способами лишения самости ее реальности в пользу внешней роли или воображаемого значения. В первом случае самость отступает на задний план, уступая место социальному признанию; в последнем — она отступает перед самовнушенным значением изначального образа. В обоих случаях коллективное имеет превосходство. Отказ от себя в пользу коллектива соответствует общественному идеалу; самоотречение даже слывет общественным долгом и добродетелью, хотя им также можно злоупотреблять в эгоистических целях. Эгоистов (egoists) называют “заботящимися о себе” (selfish), но это слово конечно же не имеет ничего общего со значением слова “(сам)ость”, в каком я его здесь употребляю. С другой стороны, самоосуществление кажется противостоящим самоотречению. Это довольно распространенное заблуждение, вызванное недостаточным разграничением индивидуализма и индивидуации. Индивидуализм означает умышленное подчеркивание и возвышение предполагаемого своеобразия личности в ущерб коллективным интересам и обязательствам. Индивидуация же подразумевает как раз лучшее и более полное осуществление человеком своих коллективных качеств, так как соответствующее внимание к своеобразию индивидуума в большей мере способствует лучшему исполнению социальных ролей, чем пренебрежение этим своеобразием или его подавление. Своеобразие индивидуума нельзя понимать как всякую необычность или странность его субстанции (substance) (Вероятно, Юнг использует здесь понятие субстанции и самом общем смысле, как носители явления. — Прим. пер.) или его компонентов; гораздо правильнее будет понимать своеобразие как уникальное соединение или постепенную дифференциацию функций и способностей, которые сами по себе универсальны. На лице любого человека есть нос, два глаза и т. д... но эти универсальные, родовые особенности переменны, и именно их переменность делает возможным факт индивидуальных особенностей каждого лица. Поэтому индивидуация может лишь означать процесс психологического развития, осуществляющего данные

индивидуальные особенности; другими словами, индивидуация — это процесс, благодаря которому человек становится определенным, уникальным существом, каковым он в действительности и является. Осуществляя себя, он однако не становится “эгоистичным” (selfish) в обычном смысле этого слова, но просто реализует своеобразие своей натуры, а это, как мы уже говорили, совсем не похоже на эгоизм или индивидуализм.

Далее, коль скоро человеческий индивидуум, как живая единица, состоит из исключительно универсальных факторов, он целиком и полностью коллективен и потому ни в каком отношении не противопоставлен коллективной организации. Следовательно, индивидуалистическое подчеркивание своей собственной специфичности противоречит этому основному факту живого бытия. С другой стороны, индивидуация стремится к живому взаимодействию всех факторов. Но поскольку универсальные факторы всегда проявляются лишь в индивидуальной форме, то их полный учет также будет производить индивидуальный результат, при том единственный в своем роде, который невозможно превзойти ничем иным, и менее всего индивидуализмом.

Цель индивидуации — не что иное, как освобождение самости от фальшивых оберток персоны, с одной стороны, и лишение изначальных образов их суггестивной силы, — с другой. Из всего сказанного в предыдущих главах, должно быть достаточно ясно, что такое персоне с психологической точки зрения. Но когда мы обращаемся к другой стороне, именно, влиянию коллективного бессознательного, то обнаруживаем, что попадаем в темный внутренний мир, гораздо более трудный для понимания, чем психология персоны, доступная, в принципе, любому нормальному человеку. Всякий знает, что значит “напускать на себя официальный вид” или “играть социальную роль”. С помощью персоны человек пытается выглядеть тем или иным, либо скрывается за маской, а то и сооружает себе определенную персону в качестве баррикады. Так что проблема персоны не должна бы представлять больших интеллектуальных трудностей.

Однако, совсем другое дело общедоступно описать те тонкие внутренние процессы, которые вторгаются в сознательный ум с такой суггестивной силой. По-видимому, лучше всего мы можем изобразить эти влияния с помощью примеров душевных болезней, творческого вдохновения и религиозного обращения. Превосходное описание такой внутренней трансформации, — взятое, так сказать, из жизни, — можно найти в новелле Г. Дж. Уэллса “Отец Кристины Альберты”. Изменения подобного рода описаны также в великолепно написанной книге Леона Доде [Leon Daudet, L'Hereditaire, Paris, 1916]. Обширный материал содержится в “Многообразии религиозного опыта” У. Джемса. Хотя во многих такого рода случаях замешаны некоторые внешние факторы, либо прямо обуславливающие изменения личности, либо по крайней мере создающие возможность таких изменений, все же это далеко не всегда те случаи, когда внешний фактор служит достаточным объяснением этих изменений. Мы должны признать тот факт, что интересующие нас изменения личности могут быть следствием субъективных внутренних причин, мнений и убеждений, когда внешние стимулы или вовсе не играют никакой роли, или их роль весьма незначительна. При патологических изменениях личности это, можно сказать, даже является правилом. Случаи психозов, которые представляют собой ясную и простую реакцию на губительное внешнее событие, относятся скорее к исключениям. Поэтому, для психиатрии, врожденная или приобретенная патологическая предрасположенность составляет весьма важный этиологический фактор. То же самое, вероятно, справедливо и для большинства случаев творческой интуиции, ибо вряд ли можно предположить чисто причинную связь между падением яблока и теорией тяготения Ньютона. Подобным же образом все религиозные обращения, которые невозможно проследить до суггестии и заразы тельного примера в качестве их непосредственной причины, опираются на независимые от каких-либо внешних влияний внутренние процессы, достигающие апогея в изменении личности. Как правило, эти процессы имеют характерную особенность, являясь подпороговыми, то есть бессознательными, вначале и достигающими сознания только постепенно. Момент вторжения может, однако, быть совершенно внезапным, так что сознание мгновенно

затопляется потоком крайне странных содержаний, о существовании которых, казалось бы, трудно было даже подозревать. Именно такое мнение может сложиться у неспециалиста или даже у самого субъекта такого опыта, но профессиональный наблюдатель знает, что психологические события никогда не происходят вдруг. На самом деле это вторжение подготавливается в течение многих лет, а часто подготовка к нему занимает полжизни, и уже в детстве можно было бы обнаружить весь набор знаменательных признаков, которые в более или менее символической манере намекают на будущие ненормальные события. Мне вспоминается, в качестве примера, один душевнобольной, отказывавшийся от любой пищи и создававший невероятные трудности в связи назальным кормлением. Фактически, каждый раз требовалась анестезия для того, чтобы можно было ввести пищевой зонд через нос. Больной умудрялся каким-то удивительным способом заглатывать свой язык, проталкивая его назад и глотку, что было тогда для меня совсем новым и неизвестным фактом. В период ясного сознания я услышал от него следующую историю. Еще мальчиком он часто обдумывал идею — как можно покончить с собой даже тогда, когда использовались бы любые мыслимые меры, чтобы помешать ему. Сначала он пытался сделать это задерживая дыхание, пока не обнаружил, что в полубессознательном состоянии он против своей воли снова начинал дышать. Поэтому он оставил эти попытки и подумал: может быть, он добьется своего, если откажется от пищи. Эта фантазия удовлетворяла его до тех пор, пока он не открыл для себя, что питание ему могут вливать через назальную полость. Тогда он стал обдумывать, как можно было бы перекрыть и этот вход. Так он натолкнулся на мысль проталкивать свой язык назад. Сначала его постигла неудача; тогда он начал регулярно упражняться и делал это до тех пор, пока, наконец, не преуспел в заглатывании собственного языка примерно тем же способом, как это иногда непреднамеренно случается под наркозом, а в его случае, по-видимому, и результате искусственно вызванного расслабления мышц корня языка.

Вот таким странным образом действий этот мальчик готовил почву для будущего психоза. После второго приступа он стал неизлечимым. Это лишь один пример среди многих других, но и его достаточно, чтобы показать, как последующее, кажущееся со стороны неожиданным вторжение чуждых содержаний на самом деле оказывается вовсе не неожиданным, а скорее представляет собой результат бессознательного развития, продолжавшегося годами.

Следующий важный вопрос: в чем заключаются эти бессознательные процессы? И как они конституируются? Разумеется, пока эти процессы остаются бессознательными, о них невозможно ничего сказать. Но время от времени они сами обнаруживают себя — частично в симптомах, частично в действиях, мнениях, аффектах, фантазиях и сновидениях. С помощью такого доступного наблюдению материала мы можем сделать косвенные выводы относительно положения и устройства бессознательных процессов на текущий момент и их развития. Однако, не следует заблуждаться насчет того, что тогда бы нам удалось раскрыть! действительную природу бессознательных процессов. Мы никогда не продвинемся в ее понимании дальше гипотетического “как если бы”.

“Смертным не дано проникнуть в глубины природы”, — и даже в глубины бессознательного. Мы знаем, однако, что бессознательное никогда не остается в покое. Кажется, будто оно всегда в действии, ибо и во сне мы видим сновидения. Хотя многие люди заявляют, будто никогда не видят снов, вполне вероятно, что они просто не помнят своих сновидений. Знаменательно, что разговаривающие во сне люди обыкновенно не помнят ни сновидения, которое помогло им начать говорить по сне, ни даже того, что им вообще что-то снилось. Не проходит и дня, чтобы мы не допустили обмолвку, или чтобы из нашей памяти не ускользнуло что-то такое, что в другое время мы твердо помним, или чтобы нас не охватило настроение, причину которого мы не можем установить и т. д. Все это — признаки устойчивой бессознательной активности, которая становится непосредственно видимой по ночам в сновидениях, но лишь время от времени прорывается через запреты нашего дневного сознания.

Насколько позволяет наш сегодняшний опыт, мы можем утверждать, что бессознательные процессы находятся в компенсаторном отношении к сознательному уму. Я специально употребляю слово “компенсаторный”, а не “противоположный”, потому что сознательное и бессознательное не обязательно находятся в оппозиции друг к другу, а дополняют одно другое, образуя целокупность (totality), которая и есть самость. Согласно этому определению, самость представляет собой величину высшего порядка по отношению к сознательному эго. Самость охватывает не только сознательную, но и бессознательную психику, и потому является, скажем так, личностью, коей мы также являемся. Достаточно легко представить себе, что мы обладаем душой-частью. Поэтому мы можем, например, без особого труда сознать себя в качестве персоны. Но создание ясной картины того, что мы представляем из себя как самость, не по силам нашему воображению, ибо в этом действии часть должна была бы охватить целое. И нет надежды на то, что мы когда-либо сможем достичь даже приблизительной сознательности самости, ибо как бы мы не старались увеличить область сознаваемого, всегда будет существовать неопределенное и неопределимое количество бессознательного материала, принадлежащего целокупности самости. Следовательно, самость всегда будет оставаться супраординатной величиной.

Бессознательные процессы, компенсирующие сознательное эго, содержат в себе все те элементы, которые необходимы для саморегулирования души (psyche) в целом. На личном уровне, эти элементы представляют собой непризнаваемые сознательно личные мотивы, обнаруживающие себя в сновидениях, или не учтенные нами значения повседневных ситуаций и не сделанные выводы, или сдержанные чувства и критику, от которой мы воздержались. Но чем больше мы осознаем себя вследствие самопознания и ведем себя соответственно, тем меньше будет становиться слой личного бессознательного, который накладывается поверх коллективного бессознательного. Таким образом возникает сознание, которое больше не заключено в ограниченном, сверхчувствительном, частном мире эго, а свободно принимает участие в более широком мире объективных интересов. Это расширенное сознание — уже не тот обидчивый, эгоистический комок личных желаний, страхов, надежд и амбиций, всегда требовавший компенсации или корректировки со стороны бессознательных контртенденций. Теперь оно выполняет функцию установления отношений с множеством объектов, включая индивидуума в неограниченное, обязывающее и неразрывное общение с миром в целом. Возникающие на этой стадии осложнения представляют собой уже не конфликты эгоистических желаний, а общие трудности, касающиеся нас в той же мере, как и других. В принципе, на этой стадии речь идет о коллективных проблемах, которые активировали коллективное бессознательное, так как они требуют коллективной, а не личной компенсации. Теперь мы можем увидеть, что бессознательное вырабатывает содержания, имеющие силу (valid) не только для “обремененного” ими человека, но и для других, фактически, для очень многих, а возможно и для всех людей.

Представители племени, живущего в тропических лесах центральной Африки (в районе горы Элгон), объяснили мне, что есть два вида сновидений: обычный сон маленького человека и “великое сидение”, которое приходит только к великому человеку, например, к знахарю или вождю. Обычным сновидениям значения не придают, но если кому-то приснился “большой сон”, он созывает все племя, чтобы рассказать его всем.

Как человек узнает, было ли его сновидение “большим” или “маленьким”? Оказывается, по инстинктивному чувству значительности. Он чувствует себя настолько переполненным впечатлением от увиденного сна, что никогда бы и не подумал скрыть это сновидение от других. Он просто должен рассказать его, исходя из психологически верного предположения, что оно значимо для всех. Даже у нас сновидения, содержащие коллективные мотивы, вызывают чувство важности, побуждающее к сообщению. Такое сновидение — следствие конфликта взаимоотношений, и потому должно быть встроено в наши сознательные отношения, так как оно компенсирует именно их, а вовсе не какую-то внутреннюю личную причуду.

Процессы коллективного бессознательного затрагивают не только более или менее личные отношения индивидуума к своей семье или более широкой социальной группе, но и его отношения к обществу и человечеству в целом. Чем более общим и безличным оказывается состояние (condition), запускающее реакцию бессознательного, тем более значительным, причудливым и непреодолимым будет компенсаторное проявление последнего. Оно не просто побуждает людей к личному общению, а доводит их до откровения и исповеди, или даже до драматического представления своих фантазий.

Поясню на примерах, как бессознательное ухитряется компенсировать взаимоотношения. Однажды ко мне пришел лечиться довольно надменный господин. Он занимался коммерцией на пару с младшим братом. Между братьями установились весьма натянутые отношения, и это стало одной из существенных причин невроза у моего пациента. Из того, что он мне сообщил, было не вполне ясно, в чем же действительная причина напряженности их отношений. В запасе у него был полный арсенал критических замечаний с адрес младшего брата и, само собой разумеется, он не слишком старался показать его способности в выгодном свете. Брат часто появлялся в сновидениях моего пациента и всегда в какой-то из трех ролей: Бисмарка, Наполеона или Юлия Цезаря. Его дом походил на Ватикан или на Yildiz. Kiosk. Его бессознательное явно испытывало потребность повысить положение младшего брата. Из этого я заключил, что мой пациент ставил себя слишком высоко, а своего брата — слишком низко. Дальнейший ход анализа полностью подтвердил этот вывод.

Одна юная пациентка, проявлявшая крайне сентиментальную привязанность к матери, всегда видела ее в зловещих снах. Там мать появлялась в облике ведьмы, призрака или преследующего сновидицу демона. Мать избаловала ее выше всякого оправдания и настолько ослепила нежностью, что дочь не могла сознательно разглядеть пагубного материнского слияния. Отсюда и компенсирующая критика, осуществленная бессознательным.

Однажды и мне случилось слишком низко — как в интеллектуальном, так и в моральном отношении — оценить одну из моих пациенток. Во сне я увидел замок на высоком утесе; на самой верхней башне замка был балкон и там сидела моя пациентка. Я без колебаний рассказал этот сон пациентке, что, как и следовало ожидать, имело наилучшие последствия.

Всем известно, как легко мы ставим себя в глупое положение перед теми, кого несправедливо недооценили. Конечно, может случиться и прямо противоположное, как это однажды произошло с моим другом. В те годы еще зеленый студент, он написал Вирхову, известнейшему патологу, письмо, прося аудиенции у “его превосходительства”. Когда, дрожа от страха, он предстал перед Вирховым и попытался назвать себя, то выпалил: “Моя фамилия Вирхов”. После чего “его превосходительство”, озорно улыбаясь, сказал: “А! Так ваша фамилия тоже Вирхов?” Чувство собственной ничтожности оказалось явно не по вкусу бессознательному моего друга, и, в результате, оно тотчас же побудило его представиться как равному Вирхову в величии.

В этих более личных отношениях конечно же нет нужды в сколь-нибудь настоящему коллективных компенсациях. Напротив, в нашей первой истории использованные бессознательным фигуры имеют определенно коллективную природу: это герои мировой истории. Здесь возможны два толкования: либо младший брат моего пациента — человек признанный, обладающий большим весом в обществе; либо мой пациент переоценивает свою собственную важность не только по отношению к брату, но и ко всем остальным людям. Для первого предположения нет никакого основания, тогда как очевидность второго, как говорят, бросается в глаза. Поскольку крайнее высокомерие этого человека затронуло не только его самого, но гораздо более широкую социальную группу, компенсация воспользовалась коллективным образом.

То же самое справедливо и в отношении второй истории “Ведьма” — это коллективный образ. Исходя из этого мы должны заключить, что слепое доверие молодой женщины в той

же мере относилось к более широкой социальной группе, в какой оно относилось к ее матери лично. И это на самом деле имело место, поскольку она все еще жила в исключительно инфантильном мире, где весь остальной мир отождествлялся с ее родителями. Приведенные примеры касаются отношений внутри личной сферы. Но существуют и безличные отношения, которые время от времени требуют бессознательной компенсации. В таких случаях коллективные образы приобретают более или менее мифологический характер. Моральные, философские и религиозные проблемы, вследствие их действительности для всех людей, должны, по всей вероятности, требовать мифологической компенсации. В упомянутой выше новелле Г. Дж. Уэллса мы находим классический тип компенсации: мистер Примби, карликовая личность, обнаруживает, что он не кто иной, как перевоплощение Саргона, царя царей (Саргон — царь). (XXIV в. до н.э.). основатель обширной державы Двуречье с центром в Аккаде. Согласно легенде сделаться царем ему помогла влюбившаяся в него богиня Иштар. Подробнее см.: Мифы Народов мира: Энциклопедия: В 2 т. М., 1988. — Т. 2. С. 409–410. — Прим. пер.). К счастью, гений автора выручает бедного старого Саргона из патологически глупого положения и даже дает читателю шанс ощутить трагический и вечный смысл в этом жарком скандале. Мистер Примби, полное ничтожество, сознает себя точкой пересечения всех прошедших и грядущих времен. Легкое безумие — не слишком дорогая цена за это знание, при условии, что в конечном счете чудовище изначального образа не сжирает Примби, хотя в действительности ему едва удалось избежать этого.

Универсальная проблема зла и греха составляет другой аспект наших безличных отношений к миру. Поэтому, едва ли не больше всякой другой, эта проблема вызывает коллективные компенсации. Одному из моих пациентов, шестнадцатилетнему юноше, в качестве начального симптома тяжелого невроза навязчивости приснился следующий сон:

Он идет по незнакомой улице. Темно. Вдруг он слышит за собой шаги. От страха он идет быстрее. Шаги приближаются, и его страх растет. Он пускается бежать, но шаги, кажется, догоняют его. Наконец он оборачивается и видит дьявола. В смертельном ужасе он прыгает вверх и повисает в воздухе.

Этот сон повторился дважды, что является признаком его безотлагательности.

Увы, хорошо известно, что неврозы навязчивости, вследствие свойственных им мелочной щепетильности и обрядовой педантичности, не только имеют внешнюю видимость моральной проблемы, но действительно до краев наполнены нечеловеческими безобразиями и жестоким злом, против объединения с которыми в одно целое и вступает в отчаянную борьбу в остальном тонко организованная личность. Это объясняет, почему так много дел приходится выполнять в церемониально “корректном” стиле, как если бы нужно было противодействовать злу, притаившемуся в тени. После этого сновидения начался невроз, существенная черта которого состояла в том, что пациенту, употребляя его выражения, нужно было поддерживать себя в “подвешенном” или “неоскверненном” состоянии чистоты. Ради этой цели он либо обрубал, либо лишал “действительности” все отношения с миром и со всем тем, что напоминало ему о бренности человеческого существования, добиваясь этого при помощи безумных формальностей, скрупулезных очистительных обрядов и заботливого соблюдения бесчисленных правил и предписаний невероятной сложности. Еще до того, как у пациента появились какие-то подозрения об ожидавшем его адском существовании, сновидение показало ему, что если бы он захотел снова опуститься на землю, ему пришлось бы заключить договор с дьяволом.

В другом месте я описал сновидение, иллюстрирующее компенсацию религиозной проблемы у одного молодого студента теологии (“Archetypes of the Collective Unconscious” (Collected Works. Vol. 9. 1) pars. 71.). Он запутался во всякого рода разногласиях в толковании вероучения, что нередко случается с современными людьми. И вот во сне он оказался учеником “белого мага”, одетого, однако, во все черное. Тот поучал его до какого-то момента, а затем сказал, что теперь им нужен “черный маг”. Тут появился “черный маг”, одетый, впрочем, во все белое, и заявил, что нашел ключи от рая, но нужна мудрость “белого

мага”, чтобы понять, как ими пользоваться. Это сновидение явно содержит в себе проблему противоположностей, которая, как известно, нашла в даосизме решение, весьма отличное от взглядов, преобладающих в западной культуре. Используемые сновидением фигуры представляют собой безличные коллективные образы, соответствующие природе безличной религиозной проблемы. В противоположность христианскому взгляду сновидение подчеркивает относительность добра и зла в том смысле, который сразу вызывает в памяти даосский символ — Инь и Ян.

Из подобных компенсаций не следует непременно заключать, будто стоит только сознательному уму углубиться в универсальные проблемы, как бессознательное поспешит произвести соразмерные широкомасштабные компенсации. Есть еще то, что можно было бы назвать законным и незаконным интересом к безличным проблемам. Такого рода экскурсы законны лишь тогда, когда они возникают из глубочайших и подлинных потребностей индивидуума; незаконны же они в том случае, когда представляют собой либо чисто интеллектуальное любопытство, либо бегство от неприятной действительности. В последнем случае бессознательное производит “слишком человеческие” и чисто личные компенсации, цель которых очевидна — вернуть сознательный ум к обыденной реальности. Людям, незаконно отправляющимся в погоню за бесконечным, часто снятся смехотворно банальные сны, имеющие целью охладить их пыл. Таким образом, из характера компенсации мы сразу можем сделать выводы относительно серьезности и правомерности сознательных устремлений.

Конечно, есть немало людей, которые не отваживаются признать, что бессознательное могло бы иметь “великие” идеи. Они будут возражать: “Неужели вы действительно думаете, будто бессознательное способно предложить что-то подобное конструктивной критике, являющейся достоянием нашего западного образа мысли?” Конечно, если подходить к проблеме интеллектуально и навязывать бессознательному рациональные интенции, предмет дискуссии лишается всякого смысла. Никогда не нужно стремиться навязать нашу сознательную психологию бессознательному. Его ментальность инстинктивная; оно не располагает дифференцированными функциями и не “мыслит” в том смысле, какой мы вкладываем в понятие “мышления”. Бессознательное просто создает образ, который есть реакция и ответ на сознательную ситуацию. Этот образ содержит в себе столько же мысли, сколько и чувства, и, пожалуй, является всем чем угодно, только не продуктом рационалистического обдумывания. Такой образ было бы лучше охарактеризовать как прозорливое видение художника. Мы склонны забывать, что проблема, похожая на ту, что легла в основу упомянутого последним сновидения, даже для сознательного ума сновидца выступает не как интеллектуальная, а как глубоко эмоциональная проблема. Для высоконравственного человека этическая проблема — это жгучий вопрос, уходящий корнями как в глубочайшие инстинктивные процессы, так и в его самые идеалистические стремления. Для него эта проблема катастрофически реальна. Поэтому неудивительно, что и ответ вырастает из глубин его натуры. То обстоятельство, что каждый, думает, будто его психология есть мера всех вещей, и если, к тому же, уродившись глупым, кто-то сочтет такую вот проблему незаслуживающей его внимания, нимало не должно беспокоить психолога, ибо он обязан относиться к вещам объективно, воспринимая их таковыми, какие они есть, а не искажать их в пользу своих субъективных предположений. Более одаренные и восприимчивые натуры могут законно оказаться захваченными безличной проблемой, и в той степени, в какой это происходит, их бессознательное способно ответить им в том же стиле. И так же как сознательный ум может задать вопрос: “Почему существует этот ужасный конфликт между добром и злом?”, так и бессознательное может ответить: “Приглядишься, внимательнее! Одно нуждается в другом. Самое лучшее, именно потому что оно самое лучшее, несет в себе зародыш зла, и нет ничего настолько плохого, чтобы из него не могло вырасти ничего хорошего”.

Тогда сновидцу могло бы прийти в голову, что этот якобы неразрешимый конфликт, возможно, всего лишь предубеждение, настрой ума, обусловленный временем и местом.

Сложный с виду образ-сновидение может и легко раскрывать свой простой, инстинктивный здравый смысл, крошечный зародыш рациональной идеи, до которой более зрелый ум мог бы с таким же успехом додуматься сознательно. Во всяком случае китайская философия додумалась до нее много веков назад. Единственно подходящая для этой цели пластичная форма мысли является прерогативой того первобытного, природного духа, который жив и в нас, но только затемнен односторонним сознательным развитием. Когда мы рассматриваем бессознательные компенсации под этим углом зрения, нас по праву можно упрекнуть в том, что мы судим о бессознательном с заведомо сознательной позиции. И действительно, выстраивая эти рассуждения, я всегда исходил из того взгляда, что бессознательное просто реагирует на сознательные содержания, хотя и весьма знаменательно, но все же не по своей инициативе. Однако, я далек от намерения создать впечатление, будто бессознательное во всех случаях исключительно реактивно. Напротив, есть множество свидетельств, которые вроде бы доказывают, что бессознательное действует не только стихийно, но действительно может брать на себя инициативу. Просто не счесть случаев, когда люди застревали во вздорщай по пустякам бессознательности, только чтобы стать наконец невротиками. Благодаря такому неврозу, изобретенному бессознательным, они вытряхиваются из своей апатии, — и это происходит несмотря на их собственную лень и часто отчаянное сопротивление.

Все же, по-моему, было бы неверно думать, что в таких случаях бессознательное действует по преднамеренному и согласованному плану, стремясь реализовать определенные цели. Я ничего не обнаружил для поддержки этого предположения. Движущей силой — насколько мы вообще способны ее постичь — здесь, по-видимому, выступает одно лишь побуждение к самоосуществлению. Если бы это было делом некоторого общего телеологического плана, тогда все, кто обладает Избытком бессознательности, в обязательном порядке продвигались бы к более высокому уровню сознательности под действием неодолимого побуждения. Но это не совсем так. Широкие слои населения, несмотря на их печально известную бессознательность, никогда даже не приближаются к неврозу. Те немногие, кто наказан такой судьбой, и есть, собственно, “высшие” люди, по разным причинам слишком долго остававшиеся на примитивном уровне. Их натура не выносит долгого пребывания в том состоянии, которое является для них неестественным оцепенением. В результате узости своей сознательной перспективы и ограниченности своего существования они сберегают энергию, которая постепенно накапливается в бессознательном и, наконец, прорывается в форме более или менее острого невроза. Этот простой механизм вовсе не обязательно таит в себе какой-то “план”. Вполне понятного побуждения к самоосуществлению было бы достаточно для совершенно удовлетворительного объяснения его действия. Кроме того, здесь можно, по-видимому, говорить о задержке созревания личности.

Поскольку скорее всего нам еще очень далеко до заветной вершины абсолютной сознательности, то, вероятно, каждый из нас способен к расширению сознания, и соответственно можно допустить, что бессознательные процессы постоянно снабжают нас содержаниями, которые при условии их сознательного усвоения, способствуют расширению диапазона сознания. Рассматриваемое в этом отношении, бессознательное выглядит как поле опыта неограниченной протяженности. Если бы оно было просто реактивным по отношению к сознательному уму, его вполне можно было бы назвать психическим зеркальным миром. В таком случае, действительный источник всех содержаний и всякой активности находился бы в сознательной психике, а в бессознательном не было бы абсолютно ничего, кроме искаженных зеркальных отражений содержаний сознания. Творческий процесс был бы замкнут в сознательном уме, и все новое было бы не чем иным, как сознательным изобретением или умением. Эмпирические факты опровергают это. Любой творческий человек знает, что спонтанность составляет самое существо творческой мысли. Поскольку бессознательное — это не реактивное зеркальное отражение, а самостоятельная продуктивная активность, его сфера опыта образует автономный мир, о котором мы можем

только сказать, что он воздействует на нас, как и мы на него, — то же самое. что мы можем сказать о нашем познании внешнего мира. И так же как материальные объекты выступают составляющими элементами этого мира, так психические факторы составляют объекты того, другого мира.

Идея объективности психического — отнюдь не новое открытие. Фактически, она относится к самым ранним и всеобщим приобретениям человечества: ведь это не что иное, как убежденность в реальном существовании мира духов. Мир духов, безусловно, не был изобретением в том смысле, в каком добывание огня трением было таковым; уверенность в существовании мира духов в гораздо большей степени является результатом опыта, сознательного принятия действительности, ни в чем не отличающегося от сознательного принятия материального мира. Я сомневаюсь, чтобы вообще существовали такие примитивные народы, которые не были бы знакомы с магическим воздействием или магическим веществом. (“Магический” — просто другое слово для обозначения “психического”.) Вероятно, столь же очевидно, что практически все примитивные народы признают существование духов (В случаях сообщения обратного, нужно всегда помнить: боязнь духов иногда так велика, что люди фактически будут отрицать существование каких-либо духов из страха перед ними. Я сам столкнулся с этим среди племен, обитающих на горе Элгон.). “Дух” — это психический факт. Так же как мы отличаем нашу собственную телесность от других, “не наших” тел, так и примитивы — если они вообще имеют какое-либо понятие о “душах” — проводят различие между их собственными душами и духами, причем последние воспринимаются ими как чужие и “находящиеся где-то там”. Духи — объекты внешней перцепции, тогда как собственная душа (или одна из душ там, где допускается их множественность) хотя и считается по существу состоящей с родстве с духами, обычно не является объектом так называемого чувственного восприятия (*sensible perception*). После смерти душа (или одна из многих душ) становится духом, который продолжает жить вместо умершего человека, часто демонстрируя заметное ухудшение характера, что отчасти противоречит идее личного бессмертия. Батаки (Joh. Warnecke, “Die Religion der Batak”, в Julius Boehmcsn (Reel.).) с острова Суматры доходят до утверждения, будто люди, бывшие добрыми в этой жизни, после смерти превращаются в злых и опасных духов. Почти все, что примитивы говорят о тех выходках, которые духи проделывают над живыми, равно как и их общее представление о внешности *reveants* (Привидений (фр.). — Прим. пер.), до последней детали соответствуют феноменам, установленным в ходе спиритических сеансов (*spiritualistic experience*). И так же как сообщения из “загробного мира” могут, вероятно, рассматриваться в качестве активности “отломленных” кусков души, так эти первобытные духи могут пониматься как проявления бессознательных комплексов (Ср. “The Psychological Foundations of Belief in Spirits”, в *The Structure and Dynamics of the Psyche* (Collet-led Works, Vol. 8).). Важное значение, придаваемое современной психологией “родительскому комплексу”, объясняется прямым продолжением опыта первобытного человека в отношении опасной власти родовых духов. Даже та ошибка суждения, что ведет дикаря к опрометчивому предположению, будто духи — это реальности внешней мира, находит свое продолжение в нашем (лишь отчасти верном) допущении, что фактические родители ответственны за родительский комплекс. В старой теории травмы фрейдовского психоанализа и даже за ее пределами это допущение претендует на статус научного объяснения. (Именно с целью избежать путаницы я отстаивал термин “родительский образ”) (Этот термин (“*imago*”) был занят психоанализом, однако в аналитической психологии его в значительной степени заменили термины “изначальный образ родителя” или “родительский архетип”. — Ред. *The Collected Works*.).

Простой человек, конечно, не сознает того, что его ближайшие родственники, оказывающие на него непосредственное влияние, создают у него образ, линии, отчасти являющийся их копией, отчасти же состоящий из элементов, получаемых от себя самого. Имаго, или образ родителей постепенно создается благодаря воздействию родителей, дополняемому специфическими реакциями ребенка; и именно поэтому такой образ отражает

объект с весьма существенными “оговорками”. Конечно, простой человек верит, что его родители таковы, какими он их видит. Этот образ бессознательно проецируется, и когда родители умирают, проективный образ продолжает действовать, как если бы он был духом, который существует сам по себе. Дикарь в этом случае говорит о духах родителей, возвращающихся по ночам (revenants), тогда как современный человек называет это отцовским или материнским комплексом.

Чем больше ограничено поле сознания человека, тем многочисленнее психические содержания [images], которые посещают его в качестве квазивнешних видений: либо в образе духов, либо в виде магических сил, спроецированных на живых людей (волшебников, ведьм и т. д.). На несколько более высокой ступени развития, где уже существует идея души, не все такие “образы” [imagos] продолжают проецироваться (там же, где это случается, даже деревья и камни говорят). Какой-то из комплексов становится уже достаточно близким сознанию, чтобы больше не ощущаться чужим. Теперь он становится “своим”, даже “принадлежащим” субъекту. Тем не менее, ощущение того, что он “принадлежит”, поначалу еще не настолько сильно, чтобы комплекс воспринимался как субъективное содержание сознания. Он остается как бы на ничейной земле между сознательным и бессознательным, в полутени, отчасти принадлежащим или родственным сознательному субъекту, отчасти же являясь автономным существом, каковым и предстает перед сознанием. Во всяком случае, этот комплекс необязательно послушен намерениям субъекта; он может даже занимать более высокое положение по сравнению с субъектом, почти всегда являясь источником вдохновения, предостережения или “сверхъестественной” информации. Психологически такое содержание можно было бы объяснить как частично автономный комплекс, который еще не полностью интегрирован. Архаические души, Ба и Ка египтян, представляют собой комплексы такого рода. На еще более высокой ступени развития и, особенно, среди западных цивилизованных народов этот комплекс всегда женского рода (anima и yuch) (Душа (лат. и греч.). — Прим. пер.) — факт, в отношении которого нет недостатка в более глубоких и убедительных соображениях.

Юнг К.-Г.

С любовью,
электронная библиотека
Theosophy-Books.org

